

СТАВКА НА КРОВЬ

ЛЕЕНА ТОРН

18+

Леена Торн

Ставка на кровь

<https://litres.ru/73868188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элеанор Фрейз — легендарный охотник, чьи показатели до сих пор ставят в пример новичкам. После укуса дикого вампира она превращается в то, что ненавидит больше всего на свете, и, сама того не желая, заражает самого близкого человека — свою сестру и напарницу Джу.

Теперь они — живое оружие по ту сторону баррикад. Эл и Джу нужно обмануть подкрепление, выбраться из города и не сойти с ума от голода, застывшего глаза красной пеленой. А еще наконец разобраться, что же происходит внутри Всемирной Ассоциации Многоуровневой Протекции И Реабилитации (В.А.М.П.И.Р.) и могут ли они вернуть свои привычные жизни.

Протокол охотника предписывает смерть для всех обратившихся. Но сестры больше ему не подчиняются.

Внимание! В книге присутствуют сцены употребления алкогольных напитков. Автор не поддерживает, не пропагандирует и не одобряет злоупотребление алкоголем. Данные сцены служат исключительно для раскрытия персонажей/создания атмосферы.

Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Содержание

Начало конца	4
Заметая следы	22
Здравствуй, прошлое	38
Вспомнить все	56
Карантин	77
И снова все изменилось	92
Врастая в систему	107
Подкрепление	123
Ложь во спасение	137
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Леена Торн

Ставка на кровь

Начало конца

Неоновая вывеска третьесортного бара мигала рвано и хаотично, словно бьющийся в конвульсиях светлячок, который никак не может сдохнуть. Каждая режущая по глазам вспышка высвечивала все ту же бесконечно унылую и уродливую картину: облупленную штукатурку, забитые досками окна соседнего дома, лужи неопределенного происхождения на асфальте. Не то чтобы я хоть когда-нибудь верила в высшие силы, но, видимо, от этого места отвернулись все возможные боги. Иначе нас не отправили бы сюда на зачистку.

«Идеальное место, чтобы спрятать очаг», — мелькнуло у меня в голове. За все эти годы я научилась едва ли не с первого взгляда понимать, где нужно искать. Там, где пахнет отчаянием и отбросами, всегда найдется место и для другой гнили.

Я машинально проверила экипировку движениями, доведенными до автоматизма. Пальцы скользнули по поясу: четыре ножа с серебряным напылением на месте. Кол стандартного размера S на бедре. В пистолете — разрывные пули с серебряным порошком. Все на месте. Все, как всегда.

Но сегодня к привычной холодной сосредоточенности примешивалось странное грызущее чувство внутри — неярко выраженное, приглушенное, но навязчивое и раздражающее. Не страх, нет. После бессчетного количества миссий страху больше не было места в моей жизни. Это было что-то другое. Предчувствие? Банальное отвращение к этому месту? Я поймала себя на том, что нервно прикусила губу. В голове почему-то всплыли события пятилетней давности, но я отмахнулась от них, как от стаи назойливых мошек. Не хватало еще раскиснуть ни с того, ни с сего. Соберись, Эл, тебе давно не пятнадцать.

Глубоко вздохнув, я повторила свою мантру: «Сегодня умрем не мы» и встряхнула головой. Тяжелая коса ударила по лопаткам. Я ловко подхватила ее и привычно заколола тугим узлом, чтобы свести к минимуму риск быть схваченной за волосы. В миссиях не до женственности. Одна из наших так уже поплатилась — думала больше о красоте, чем об опасности. Что ж. Не могу не признать, ее пышные волосы красиво обрамляли даже оторванную голову. Ее посмертное фото стало прекрасным наглядным пособием в учебном классе.

Три приглушенных стука костяшками по моему плечу. Наш с Джу позывной. «Я здесь. Я с тобой. Я готова».

Я обернулась. Она стояла чуть в стороне, и неоновый свет, мигая, высвечивал ее точеный овал лица, жесткую линию скул и тонкий бледный шрам над бровью — подарок, достав-

шийся на одной из первых миссий, когда мы были куда менее опытны. Пальцы Джу привычно поглаживали рукоять топорика на бедре, а глаза блестели таким знакомым мне азартом.

— Ну что, сестренка, — ухмыльнулась она. — Пропустим по кружечке? Говорят, тут наливают такое пойло, после которого даже вампиры кажутся милыми пупсиками.

В ее голосе звучала знакомая дерзость — та, что бесила инструкторов и не раз отправляла ее в карцер. В этом была вся Джу — даже в самый поганый момент она находила нужные слова и могла разрядить обстановку.

— Надеюсь, они не добавят в него какой-то отравы, — проворчала я. — Местные определенно нам не рады.

Я кивнула в сторону годами немытого окна, где на секунду мелькнуло и тут же исчезло чье-то настороженное лицо. Охотников не любили. Мы были вестниками того, что кошмар, который каждый обычный человек подсознательно считал с ним не случится, на самом деле уже практически стучал в его дверь. Мы несли смерть, и даже если смерть эта была предназначена чудовищам, люди стали ассоциировать нас только с кровью и насилием. Так было не всегда. Сначала нас боготворили и нам помогали, надеясь, что привычный мир скоро восстановится. Но чуда не произошло, и нас стали ненавидеть.

— О, тем веселее. Обожаю теплый прием, — Джу расправила плечи и поиграла мускулами. — И радушных хозяев.

Даже зная Джу столько лет, я не переставала восхищаться

плавной опасностью ее движений. Все-таки годы не прошли для нас даром. Из неловких наивных подростков мы превратились в идеальное, остро отточенное оружие. Мне только временами все же становилось немного жаль, что наше взросление проходило в темных подворотнях, на пыльных чердаках и в смердящих канализациях с оружием наперевес. Даже сейчас, за день до своего двадцатилетия, я была занята не тем, что планировала вечеринку и выбирала цвет кремовых розочек на торт, а торчала в какой-то дыре с очередной миссией. Ладно. Такова теперь моя жизнь. Нечего сопли жевать.

Текущее задание, которое мы получили от Аарона, нашего командира, было, на первый взгляд, простым. Обычная зачистка вампирского очага. Разведка доложила о серии необъяснимых исчезновений в этом городке и одном особенно жестоком нападении, больше похожем на бойню, чем на охоту дикого зверя. В город должны были подтянуться еще две пары охотников для подкрепления. Наш приказ был ясен: не рыпаться, осмотреться, дожидаться остальных. Проще пареной репы. Но что-то мне подсказывало, что все пойдет не по плану.

– Так и будем стоять на пороге или все же войдем? – прервала мои размышления Джу. – Чем быстрее убедимся, что тут только обычная пьянь, тем быстрее освободимся.

Я взялась за ручку двери и брезгливо поморщилась. Она была вся липкая и покрытая, наверно, вековой грязью. Я от-

дернула руку и снова взглянула на Джу. В ее голубых глазах, помимо азарта, вдруг промелькнуло что-то тяжелое, озабоченное. Но времени выяснять, в чем дело, не было.

Вместо этого я распахнула дверь ногой.

Нас накрыла волна теплого, спертного воздуха, пахнувшего перегаром, дешевым пивом и немывтыми человеческими телами вперемешку с одеколоном и женскими приторными духами. На звук обернулось человек пятнадцать. Кто-то был еще трезв, кто-то с трудом оторвал мутный взгляд от своей кружки. Бармен, мужчина с лицом и фигурой, словно высеченными из камня, замер, и пиво лилось мимо бокала. Воцарилась тишина — почти осязаемая, плотная, густая, хоть ножом режь.

Я медленно, давая людям время нас рассмотреть, вошла внутрь, Джу следовала в полушаге от меня. Я видела, как взгляды скользят по нашему обмундированию: практичные темные комбинезоны с кевларовыми вставками, укрепленные в районе артерий и крупных вен, чтобы их невозможно было прокусить. В глазах людей я увидела зарождающийся страх. Прекрасно. Пусть боятся. Иногда страх развязывал языки лучше оружия. Но вкупе с оружием, конечно, было эффективнее.

Бармен первым пришел в себя. Он перекрыл кран, шлепнул тряпку в набежавшую пивную лужу и уставился на нас, уперев руки в бока.

— Здесь нет тех, кого вы ищете, — проговорил он хрип-

лым прокуренным голосом. — Только обычные люди. Так что можете разворачиваться и идти своей дорогой.

— Может, мы просто заскочили пивка выпить, — иронично скривила губы Джу. — Или у тебя, дорогуша, настолько хорошо идут дела, что можешь позволить себе разбрасываться клиентами?

Из темноты в углу раздался сиплый смешок. Пожилой мужчина с изборожденным морщинами лицом пристально посмотрел на нас.

— Ага, пивка. При полном параде, с арсеналом. Это мода нынче такая, увешанными оружием до зубов по барам ходить?

— Какие времена, такая и мода, — я неспешно подошла к стойке, чувствуя, как десятки глаз следят за каждым движением. — Два темных нефильТРованных. Я надеюсь, найдется что-то приличное?

Джу уселась на один из шатких барных стульев, положила локти на стойку и сцепила пальцы. Со стороны она выглядела расслабленной, почти скучающей, но я знала: каждая мышца в ее теле готова к драке в любой момент.

Бармен что-то буркнул, но повернулся к пивным кранам. Пока он наливал, я медленно скользила взглядом по залу. Ничего. Просто усталые, замкнутые лица. Ни намек ни на затаенную звериную ярость, ни подрагивающих в оскале губ. Никто не избегал моего взгляда с особой настойчивостью. Обычные люди. Испуганные, озлобленные, но люди.

Пазл не складывался. Разведка редко ошибалась. Значит, или очаг был где-то еще, или или они были чертовски хороши в маскировке. Я вздохнула. Разумные вампиры. Самая опасная порода. Они не бросались с рыком, не бегали на четвереньках, не теряли человеческий облик. Они могли сидеть за соседним столиком, попивать из своего бокала и беззаботно улыбаться, пока мысленно прикидывали, в какую артерию тебе лучше вцепиться.

Бармен, не заботясь об аккуратности, со стуком поставил перед нами два бокала, расплескивая их содержимое. Я в ответ бросила на стойку несколько монет. Даже не пересчитывая, мужчина смахнул их в свою ладонь и снова отвернулся.

Мы потягивали пиво, делая вид, что просто отдыхаем. Напряжение в зале постепенно сменялось настороженным любопытством. Я буквально спиной ощущала буравящие нас взгляды, но наконец они не окатывали волной брезгливой ненависти, а просто источали жгучий интерес. Возобновились тихие разговоры и перешептывания. Все явно задавались вопросом, что происходит. Ровно то же самое я спрашивала сама у себя.

— Тебе не кажется, что что-то тут не так? — наклоняясь ко мне, тихо пробормотала Джу.

— Слишком спокойно, — согласилась я. — Три пропавших. Одно нападение со следами чрезмерного энтузиазма. А тут — тишь да практически благодать. Никакой паники. Не сходится картинка.

— Может, упыри тихо и быстро съели всех, кто представлял для них интерес, и теперь, затаившись, лежат, переваривают? — ухмыльнулась Джу. Но я поймала в ее тоне едва уловимую нотку чего-то еще. Не страха. Скорее, тоже какого-то предчувствия.

— Ага, и съеденные были как раз самыми умными, — ответила я. — Посмотри, жители нервничают, но не мчатся в ужасе в свои дома баррикадировать двери от кровопийц. Как будто они не понимают, зачем мы тут появились. Как будто в их городе ничего не произошло.

Наши взгляды встретились, и в глазах Джу я прочла то же самое понимание. Дело пахло дрянью, мы обе не знали, чего ожидать.

Пока я еще раз оббегала взглядом людские лица, Джу поерзала на стуле. Это было так для нее нетипично на задании, что я тут же повернулась и вопросительно на нее уставилась. Взгляд Джу стал серьезным, почти суровым, ее губы приоткрылись, как будто она собиралась духом что-то сказать. За пять лет мы научились читать друг друга без слов. Сейчас от нее исходили волны какого-то внутреннего смятения, которое она пыталась подавить железной волей.

— Эл — начала она, и я уже понимала, что разговор пойдет не о нашей задаче. Не первый день я замечала, что она носила в себе какую-то тяжесть, но ничего не спрашивала. Но сейчас, в этой грязной заброшенной дыре Джу наконец решилась вытащить свой груз наружу.

Но в этот момент бармен, вытиравший стойку, шархнул по ней тряпкой. Раздавшийся звук был резким, словно выстрел.

— Опять двадцать пять! — рявкнул он, обращаясь не к нам, а к тому самому старику в углу. — Ты когда успел упиться? Мэгз мне завтра всю голову пропилит за то, что я тебе наливал.

Старик, вскочивший и теперь пошатывающийся, махнул рукой и флегматично отхлебнул из кружки, но в его глазах вспыхнул странный, лихорадочный огонек. Он уставился прямо на нас.

— Вы же охотницы, д-да? — несмотря на то, что язык старика явно заплетался, сам голос не звучал пьяным, наоборот, он был громким и требовательным. — И вы ищете - ик! - тварей, которые людей ж-жрут?

Джу медленно повернулась на стуле, ее поза по-прежнему была расслабленной, но теперь даже со стороны в ней читалась готовность к мгновенному действию.

— Вечер перестает быть томным, — почти промурлыкала она. — Ну, рассказывай, дедуля, кто тут у вас кого жрет?

Старик ухмыльнулся — коротко и неприятно. Не нравится, ой как мне все это не нравится!

— Вы бы поискали в переулках у реки. В том, что за рыбной лавкой, говорят, по ночам творится что-то странное, — с этими словами он медленно и старательно уселся обратно на свой стул и уткнулся в кружку с пивом. Я перевела взгляд

на Джу. В ее глазах уже горел холодный азарт охотника. Момент для личных разговоров был безвозвратно упущен. Работа не ждет.

— Ладно, — я залпом допила отвратительное пиво и встала. — Спасибо за гостеприимство.

— Угу, — бармен не отрывал взгляд от стойки, продолжая полировать ее тряпкой, словно собирался сдавать в музей как ценный экспонат. — Проваливайте уже. И больше не приходите. А то пиво от вас еще скиснет.

Мы вышли в ночь. Холодный воздух ударил в лицо, освещая горящие после духоты бара щеки.

— Ловушка, — констатировала Джу, шагая в направлении реки.

— Явная и неприкрытая, — согласилась я. — Но нам все равно нужно проверить те переулки. Только не тот, о котором говорил старик. Сначала пойдем в соседний. Посмотрим, не выманят ли они себя сами.

Где-то далеко завyla собака, и звук был таким одиноким и тоскливым, что по спине пробежали мурашки.

В переулке не горело, естественно, ни одного фонаря. Мы замерли, старательно прислушиваясь. Наконец зрение адаптировалось к темноте. Я пристально всматривалась и видела лишь очертания мусорных баков и груды хлама. Ничего подозрительного.

И вдруг я услышала. Тихий, скребущий звук. Как будто что-то тяжелое волочили по асфальту. Справа, из следующей

го переулка, того самого, что за рыбной лавкой.

Джу тоже услышала. Мы обменялись взглядом и беззвучно, почти синхронно, прижались к стене старого кирпичного здания. Я вытащила пистолет, сняла предохранитель. Джу взяла в правую руку топор, в левую — маленький, но мощный фонарик.

Звук приближался. Медленно, нерешительно. Потом к нему добавилось хлюпанье, будто кто-то шлепал по лужам босыми ногами. И вдруг все затихло. Напряжение стало почти осязаемым.

Тень обрушилась на меня прежде, чем я успела вскинуть ствол.

Удар сбил с ног, я повалилась на грязную землю. Воздух вышибло из легких. Перед лицом замелькали клоки грязных волос, запахло гниющим мясом и сладковатой медью. Я увидела искаженное лицо — еще человеческое, но с безумием в запавших глазах. Слава богу, просто дикий вампир. Но он был не похож на тех, кого мы уничтожали до этого. Его движения были отрывистыми, нервными, словно тело его не слушалось.

Он навалился на меня, пытаясь добраться до шеи. Я уперлась предплечьем ему в горло, отталкивая оскаленную пасть. Слюна капала мне на комбинезон, шипя там, где попадала на серебряное напыление застежек. Пистолет стал совершенно бесполезен, так как рукой, сжимающей его, я старательно удерживала клацающие зубы подальше от меня.левой, по-

что намертво зажатой между моим телом и телом монстра, я попыталась нащупать и ухватить нож на поясе.

Рычащая тварь с силой надавила головой вниз, сминая мое сопротивление. Я почувствовала, как ее зубы скользнули по кевларовому воротнику, а затем впились в участок между плечом и ключицей — там, где я сотни раз говорила в штабе, было слабо защищенное место.

Боль была острой и обжигающей, как будто в меня воткнули сотню раскаленных острых гвоздей. Я вскрикнула — но не от страха, а от ярости. В тот же миг мои пальцы обхватили рукоять ножа. Я почти вырвала его из ножен и с силой вдавила острие прямо под ребра твари.

Монстр взвыл и разжал челюсти, отшатываясь от меня. В свете валяющегося на земле фонаря я увидела силуэт уносящегося скачками вампира размером поменьше и слегка потрепанную Джу, поворачивающуюся ко мне. Я поймала ее взгляд и в ту же секунду с силой пнула ошалевшую от боли тварь. Она отлетела, и тут блеснуло лезвие топора Джу.

Удар был точным, молниеносным. Топор с хрустом вошел в шею чудовища, отсекая голову. Тело монстра обмякло и рухнуло на землю, дергаясь в последних конвульсиях.

Вновь воцарилась тишина. Я тяжело дышала, прижимая ладонь к плечу. Сквозь разорванную ткань сочилась теплая кровь.

— Ранена? — Джу уже была рядом, ее взгляд сканировал меня, оценивая ущерб.

— Укус. Глупый. Через броню прокусил. Говорила же этим идиотам, что форму надо доработать, — процедила я, с усилием поднимаясь. — А у тебя, я заметила, было свое развлечение?

Джу фыркнула:

— Ну, в какой-то степени наш план выманить их сработал. Жаль, что второй ушел.

Я поморщилась. Рана пульсировала, но боль была терпимой. Укусы диких были не редкостью. К счастью, вирус передавался воздушно-капельным путем от больного, а не через слюну. Это знал каждый охотник с первого дня. Поэтому раны от зубов беспокоили больше возможностью заражения инфекцией, чем вампиризмом. «Промыть антисептиком с серебром, наложить швы, выпить бустер», — пронеслось в голове.

— Давай посмотрим, — Джу навела луч света на мою руку. Рана была глубокой, рваной, но не критичной. — Черт. Надо обработать. Держись, — она привычными движениями достала из рюкзака флакон с нужным раствором и пропитала им стерильную салфетку. Жгучая боль, когда жидкость коснулась раны, заставила меня стиснуть зубы. Затем Джу быстро зашила меня, держа фонарь в зубах, и наложила повязку. Эти действия у нас обеих тоже были доведены до автоматизма. Первое время после стычек мы ходили латанные-перелатанные. Но затем наловчились избегать зубов и когтей, и повреждения свелись, в основном, к переломам,

ушибам и синякам. Поэтому сегодняшняя оплошность дико меня бесила.

Мы быстро обыскали тело. Ни документов, ни телефона, ничего.

— Что за хрень? — Джу пристально рассматривала многочисленные синюшные прожилки под кожей трупа. — Ты раньше такое видела?

— Если бы такое было раньше, узнавать этих тварей было бы намного проще, — поморщилась я от стреляющей боли в руке. — Он еще и двигался странно, как будто тело ему не принадлежало. Видимо, опять какая-то мутация.

Вирус периодически мутировал, и мы это знали. Но все равно его основы — воздушно-капельный путь передачи, группы риска — оставались неизменными.

— Ладно, — Джу вытерла лезвие топора о куртку твари. — Как бы мне ни хотелось пуститься в погоню, на сегодня хватит приключений. Пора в штаб-квартиру, отмыться от этого дерьма. Завтра прибудет подкрепление, и мы прошерстим эту территорию.

Мы шли обратно молча, каждая была погружена в свои мысли. Адреналин постепенно сходил, оставляя приятную усталость и легкое головокружение от небольшой потери крови. Укус противно ныл.

Безопасный дом, предоставленный нам в качестве штаб-квартиры, встретил нас тишиной. Мы по очереди отмылись в крошечном душе, смывая грязь, кровь и запах этого убо-

того городка. Затем Джу сменила повязку на моем плече и отметила, что кровотечение почти остановилось.

— До свадьбы заживет, — хмыкнула я. Это была наша старая постоянная шутка. Когда-то я очень хотела выйти замуж, и чтобы обязательно уютный дом наполнял детский смех. А потом все в мире пошло по одному месту.

— Знаешь, что нам нужно? — сказала Джу, роясь в одном из шкафов на кухне и выуживая припыленную бутылку с коричневато-янтарной жидкостью внутри. — Немного градуса для внутренней дезинфекции. Стаканов, ясное дело, нет, — констатировала она, осмотрев пустые полки. — Эх, надо было умыкнуть в баре в качестве компенсации за их отвратное поило.

Джу открутила крышку, сделала большой глоток, скривилась и протянула бутылку мне.

— В этом городе, по-моему, не знают, что такое хороший алкоголь.

Я приложилась к горлышку. Жидкий огонь хлынул внутрь, согревая и притупляя боль в плече. Мы сидели на голом полу, прислонившись спинами к стене, и передавали бутылку туда-обратно, не говоря ни слова. Да и не нужно было ничего говорить. Адреналин окончательно сменился тяжелой усталостью — такой, что не просто не хотелось шевелиться, а не было никаких сил на это.

— Ладно, — наконец сказала Джу, поставив пустую бутылку на пол. — Я валюсь с ног. Давай спать. Утро вечера

мудренее.

Мы растянулись на своих кроватях. Я легла на левый бок, чтобы не давить на раненое плечо. Боль теперь была тупой, приглушенной. Я пыталась проанализировать сегодняшние события, но мысли путались и уплывали. Последним, что я запомнила перед тем, как провалиться в сон, был горьковатый привкус виски на губах и раздававшееся в комнате ровное дыхание Джу.

Что-то разбудило меня. Не звук. Чувство. Внутренний толчок, заставивший сердце пуститься вскачь.

Я резко открыла глаза. В комнате был полумрак от задернутых штор. Джу стояла в дверном проеме нашей спальни, прижимая к груди полотенце, с мокрыми волосами, казавшимися темно-рыжими, почти каштановыми. Ее взгляд, был прикован ко мне.

Я стояла в центре гостиной? Но как? Почему?.. Джу все так же продолжала стоять, не шевелясь, но теперь ее взгляд сместился куда-то вниз..

Я тоже опустила глаза. Незнакомая девушка в экипировке охотника на полу. Темные волосы были растрепаны, глаза широко открыты, в них застыл шок. На шее у нее была рваная рана, из которой уже даже почти не сочилась кровь. А я я чувствовала теплую, солоноватую влагу на языке, металлический привкус, от которого все внутри ликовало и пело. Яркость ощущений была ослепительной. Каждый звук — судорожный вздох Джу, скрип двери, капли из крана в ван-

ной — оглушал. Каждый запах — кровь, пот, страх, пыль — воспринимался отдельно и четко. А сила Боже, какая сила гудела в каждой мышце. Я даже чувствовала, как срстаются края раны на моем плече, как обостряется зрение, как замедляется мир вокруг меня. Эти ощущения слепили, затмевали разум, требовали еще и еще — стать еще сильнее, еще быстрее, еще лучше. Стать совершеннее.

И тут я услышала голос. Тихий, осторожный, полный неверия.

— Эл?

Лицо Джу было бледным, но на нем я не увидела ни ужаса, ни паники. Была лишь абсолютная, ледяная концентрация.

Наши взгляды встретились.

Что-то в моей голове щелкнуло. Осознание обрушилось на меня с силой молота, бьющего по наковальне. Я отпрянула от тела, поскользнулась, упала и поползла, пока спиной не уперлась в стену.

Я увидела свои руки, они были все в крови.

Я поняла вкус во рту.

Я не услышала стука сердца охотницы, лежавшей у двери.

О господи.

Пять лет назад мир перевернулся, обнажив свою изнаночную, чудовищную сторону. А теперь на этой стороне была я.

Я взглянула на Джу. Она пристально смотрела на меня, ее рука медленно, очень медленно тянулась к топору.

В моей голове не было паники. Напротив, мой мозг рабо-

тал кристально ясно.

Я вытерла рот тыльной стороной запястья, оставив на коже темный красный мазок, и сказала хриплым, но абсолютно спокойным голосом:

— Твою мать. Я теперь гребаная кровососущая тварь.

Заметая следы

Вода в душевой кабинке, куда меня запихнула Джу, была ледяной. Настолько, что первые несколько секунд я вообще ничего не чувствовала — только оглушительный шок от перепада температуры. А потом пришла боль. Острая, пронзающая, вышибающая дух. Она впилась в кожу тысячами игл, добралась до мышц, до костей, до самого мозга.

Я попыталась вдохнуть и захлебнулась водой, хлынувшей в рот и нос. На миг паника накрыла меня с головой. Я рванулась, выскочила из душевой кабины, но дверь в ванную была заперта снаружи. Я била по ней кулаками, царапала ногтями, кричала что-то нечленораздельное, пока голос не сорвался в хрип.

А потом наступила тишина.

Не внешняя. Внутренняя.

Шум в голове, который не стихал с того самого момента, как я по-настоящему открыла глаза и увидела свои руки в крови, этот всепоглощающий, заставляющий вибрировать все тело, гул вдруг стал ощутимо тише. Он отступил куда-то на задний план сознания, уступив место другому ощущению - четкости. Такой невероятной, почти невыносимой ясности.

Я перестала барабанить в дверь, вернулась в кабинку и просто стояла под ледяным потоком, чувствуя, как вода сте-

кает по лицу, по плечам, по спине, как она шумящим потоком уходит в канализацию. Я дышала. Медленно, глубоко, считая про себя. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. И снова. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Перед глазами все еще стояла та картина: кровавый след от входной двери, девушка на полу, ее широко открытые глаза, мои руки с хищно скрюченными алыми пальцами, и этот вкус... Боже, этот вкус!

Я несколько раз тщательно прополоскала рот. И, хотя крови там уже не было, но ощущение осталось. Металлическое, сладковатое, пьянящее, дарящее могущество.. От него разрывало изнутри.

«Ты теперь монстр, — сказала я себе. — Ты стала тем, кого уничтожала все эти годы».

И в этот момент где-то глубоко, под слоями ледяного спокойствия, смешанного с накатывающим ужасом и отвращением, шевельнулось что-то еще. Натянулась тонкая, но жесткая струна. Я не сдамся. Я не позволю превратить меня в животное.

Я дожила до двадцати в этом аду, я прошла через смерть родителей, через карантин, через школу охотников, через десятки миссий. Я не сломалась тогда и я не сломаюсь сейчас. И пусть этот гребаный мир горит в своем чертовом огне!

Ледяная вода делала свое дело. Мысли прояснились, чувства обострились, но и контроль возвращался. Я слышала каждый звук за пределами ванной: тихие шаги Джу по ком-

нате, ее прерывистое дыхание, скрип половиц. И я так отчаянно надеялась услышать хотя бы слабое, едва уловимое бие-ние сердца той девушки на полу.

Но его не было.

Я вцепилась пальцами в волосы, сжала их до боли, зажмурилась. Что я наделала? Я убила человека. Не вампира, не тварь — человека. Охотницу. Таковую же, как я. Которая пришла на помощь, которая доверяла безопасности этого дома...

«Прекрати, — приказала я себе. — Раскисать будешь потом. Сейчас нужно думать, что делать дальше».

Я не знала, сколько прошло времени. Но в какой-то момент дрожь в теле перестала быть просто реакцией на холод — меня начало накрывать полноценное осознание происходящего. И если бы не струи из душевой лейки, я бы, наверное, рухнула на пол кабинки и разревелась так, как не плакала уже много лет. Но потоки ледяной воды держали в тонусе, не позволяли провалиться в полномасштабную истерику. Вместо этого я просто закрыла глаза и погрузилась в оцепенение, продолжая терять чувство времени.

— Эл? — голос Джу из-за двери прозвучал приглушенно.

Я вздрогнула, открыла глаза.

— Я... — мой голос сорвался, и я поспешно откашлялась.

— Да?.

— Ты.. там как? — в голосе Джу было столько всего: страх не услышать ответ, надежда его услышать, отчаяние, если ответ будет не тем, решимость, если вместо ответа раздастся

рычание.

Я горько усмехнулась.

— Выпусти меня, — сказала я. — Пожалуйста. Я... я не брошусь на тебя. Я понимаю, что произошло. И я никогда, слышишь, никогда не причиню тебе вреда.

Тишина. Долгая, тягучая, как мед, в который попала незадачливая мошка, которая еще пытается бороться, но внутри понимает, что исход предрешен.

— Обещаешь? — голос Джу дрогнул. Как много всего было в этом неожиданно наивном вопросе. Как будто Джу не осознавала до конца, кем я стала.

— Клянусь, — ответила я.

Раздался шум отодвигаемой мебели. Дверь в ванну приоткрылась. Я вышла, вся мокрая, дрожащая, с посиневшими губами. Джу стояла напротив, в руке — топор. Не занесенный для удара, но наготове. Ее глаза лихорадочно блестели.

Мы смотрели друг на друга, и я видела ее страх за меня, который она отчаянно пыталась скрыть за маской невозмутимости. Я же внутри отчаянно пыталась задушить скалящий зубы голод.

— Я не брошусь, — повторила я, откидывая мокрые волосы с лица. — Не бойся.

— Я не боюсь, — огрызнулась Джу, но топор опустила. — Ладно. Черт. Черт! Садись. Надо думать.

Я села на пол, прислонившись спиной к стене. Джу опустила напротив, положив топор рядом. Ее взгляд метался

по комнате, то останавливаясь на теле у двери, то возвращаясь обратно к моему лицу.

— Я тебя умоляю, переоденься, — наконец не выдержала она. — Ты же так окочуришься в этой мокрой футболке, вон уже вся посинела!

Я безразлично сходила за одеялом и укуталась в него. Холодная мокрая ткань противно облепила тело, но это я как-то переживу.

— Протокол, — уронила я во вновь повисшую тишину, но Джу просто отмахнулась.

— Ты... — начала она, все так же внимательно в меня вглядываясь. — Ты чувствуешь что-нибудь? Голод?

Я задумалась. Прислушалась к себе. Да, голод был. Но не тот, от которого сосет под ложечкой и бурчит в животе. Тот, другой. Глубинный, выворачивающий наизнанку. Но сейчас, после ледяного душа и всех моих усилий по его сдерживанию, он притупился, ушел на второй план.

— Да, — честно ответила я. — Но я могу его контролировать. Пока.

Джу кивнула, словно ожидала этого. Теперь она смотрела куда-то в стену поверх меня, и я видела, как в ее голове лихорадочно прокручиваются варианты.

— Нужно что-то делать с телом, — наконец сказала она. — Если его найдут, нам конец.

— Протокол, — тупо повторила я. — При обнаружении зараженного — нейтрализация. Ты должна меня уничто-

жить.

Джу резко перевела на меня взгляд. В ее глазах вспыхнуло что-то, что я не сразу смогла определить. Ярость? Нет.

Обида.

И решимость.

— Нет, — отрезала она. — Даже не смей думать об этом.

— Джу...

— Я сказала, нет! — она ударила кулаком по полу. — Ты моя сестра. Единственная, кто у меня остался, особенно после того, как мама без вести пропала три года назад. Я не собираюсь тебя убивать. Понятно?

Я смотрела на нее и чувствовала, как что-то теплое разливается в груди. Сквозь весь этот кошмар, сквозь абсолютное непонимание происходящего мы пойдем вместе. Как всегда. Джу не бросит и не предаст. Даже сейчас, даже если я — монстр.

— Но если меня обнаружат...

— Не обнаружат, — отрубил Джу. Она встала, подошла к телу, присела на корточки. Я зажмурилась, чтобы не видеть, но запах свежей крови, еще не успевшей свернуться, ударил в ноздри. Голод поднял голову, рванулся, заскулил где-то внутри. Я с силой прижала кулак к груди, словно пытаюсь физически затолкать его как можно глубже.

— Знаешь, что самое ироничное? — вдруг сказала Джу. Ее голос звучал странно и как-то даже отстраненно.

— Что? — выдавила я, не открывая глаз.

— Я тоже голодна, — сказала она. — Только что поняла. Стою над ней, чувствую запах крови... и хочу пить.

Я распахнула глаза. Джу все так же сидела на корточках, глядя на тело. Ее лицо побледнело, губы были плотно сжаты. Джу медленно, словно в трансе, протянула руку к открытой ране на шее охотницы.

— Джу? — прошептала я, но она не отреагировала. Ее палец коснулся крови, затем она поднесла его к губам.

— Не вздумай! — я вскочила, но было поздно. Джу слизнула алую каплю с пальца и замерла.

Я тоже превратилась в соляной столп, надеясь, что сейчас Джу начнет плевать и превратит все в шутку.

А затем Джу выдохнула и медленно осела на пол.

— Джу! — я рванула к ней и упала на колени рядом. Джу посмотрела на меня. В ее глазах плескалось то же самое, что я чувствовала внутри. Голод. Страх. Понимание.

— Видимо... — от волнения ее голос осип. — Видимо, я теперь такая же, как ты.

— Но как?! — я отказывалась верить. — У тебя же иммунитет! Четвертая группа, отрицательный резус Этого не может быть!

— Вот оно что, — сглотнула Джу, пытаясь совладать с голосом. — Вот в чем суть мутации. Вирус теперь передается не воздушно-капельным путем. В организм должна попасть зараженная слюна. И правило отрицательного резус-фактора, видимо, уже не работает. Как и четвертой группы крови.

Я, не мигая, смотрела на нее, пока мой мозг лихорадочно анализировал все данные. Укус дикого вампира в переулке. Вирус попал мне в кровь. А потом... бутылка. Мы пили из одной бутылки. И Джу...

— Это я тебя заразила, — прошептала я. — Если бы я не пила это дурацкое виски

— Если бы нас не отправили сюда на зачистку, — перебила Джу. — Если бы мы не пошли в этот проклятый переулок. Если бы вирус не мутировал. Если бы, если бы, если бы... — она глубоко вздохнула. — Поздно теперь пить боржомом, почки-то уже отвалились.

Мы сидели на полу, глядя друг на друга. Две охотницы, ставшие теми, кого должны были уничтожить. Две сестры, повязанные еще сильнее, чем раньше. Теперь мы еще больше могли надеяться только друг на друга.

— Ты как? — спросила я.

Джу прислушалась к себе. Повела плечами, поморщилась.

— Голова немного кружится. И запахи... Боже, как сильно пахнет. Все пахнет: ты, я, кровь на полу... И голод. Я чувствую голод. Но слабее, чем ты, наверное. Прошло меньше времени с момента моего заражения. Да и способ попадания слюны в организм все же разный.

— Или иммунитет все-таки работает, но не полностью, — предположила я. — Четвертая группа дает все же защиту. Правда, уже не от заражения, но от быстрого превращения.

Помедлив, Джу кивнула. Она снова посмотрела на погиб-

шую девушку, и на ее лице отразилась борьба. Я видела, как ей хочется... нет, не ей. Как ее *тело* хочет. Но *разум* сопротивляется.

— Нужно убрать труп, — твердо сказала она. — Пока мы можем себя контролировать.

— Как? — спросила я. — Вынести на улицу и закопать?

— Слишком рискованно. В город скоро придут другие охотники. Если кто-то заметит свежую могилу, вопросов не оберемся.

— Тогда что нам с ней сделать?

Джу повернулась ко мне, и в ее взгляде я прочла холодный, страшный, но единственно возможный ответ.

— Расчленить. И вывезти. Закопать по частям. В разные места.

У меня внутри все оборвалось. Я убила человека, не монстра, а девушку, просто оказавшуюся в ненужном месте в ненужное время. И теперь должна расчленить ее тело, как мясник тушу коровы. Это было настолько чудовищно, настолько за гранью понимания, что я не могла даже пошевелиться.

— Я не смогу, — прошептала я.

— Сможешь, — жестко сказала Джу. — Мы охотники, Эл. Мы никогда не церемонились с вампирами. Это не страшнее.

— Страшнее, — возразила я, бросая на труп отчаянный взгляд. — Потому что сейчас это не вампир. Это человек. И не просто обычный человек с улицы, а тоже охотник.

— Эл, да в чем дело? — вдруг рывкнула Джу. — Ты все эти годы была просто машиной для убийства. Ни чувств, ни сожалений, ни угрызений совести. С чего вдруг именно сейчас такая щепетильность?

— Я не знаю, — прошептала я. — Как будто с превращением во мне рухнули все стены, которые я возвела. Я никогда не чувствовала столько, как сейчас. Мне страшно, мне больно, мне обидно, мне непонятно! — мой голос становился все громче. — Меня просто разорвут на куски все эти эмоции! Этот гребаный вампир сломал меня, сделал не просто чудовищем, а дефектным чудовищем, ты такая спокойная, а я снова эмоционально нестабильна, я не знаю, как взять себя в руки!

Я судорожно втянула воздух и замолчала. Джу молча смотрела на меня. Потом она встала, сходила на кухню, принесла нож-топорик и протянула его мне.

— Выбирай: или мы это сделаем, или нас обоих убьют, когда найдут тело. А может, и не убьют. Может, отправят в лабораторию, как подопытных кроликов. Будут изучать, что за новый штамм, как он действует. Ты хочешь этого?

Я смотрела на нож, и внутри все сжималось.

— Нет, — я отрицательно покачала головой, прекрасно представляя, какие опыты могут на нас поставить.

— Тогда вставай и помогай.

Я взяла нож. Руки дрожали. Джу достала из рюкзака плотные мусорные мешки и разложила несколько штук на полу.

— Надо торопиться, — сказала она. — Кровь уже подсыхает, но запах... чем быстрее все уберем, тем лучше.

Я подошла к телу. Девушка лежала на спине, в распахнутых глазах застыло удивление. Она не ожидала нападения. Не ожидала, что те, кто должен был быть своими, окажутся врагами. Не выдержав, я протянула руку и аккуратно закрыла ей глаза.

— Ты ее знаешь? — спросила я, не узнавая свой голос.

Джу заглянула в лицо, покачала головой.

— Нет. Из подкрепления, видимо. Они должны приехать вечером, а она пришла раньше срока. Видимо, очень хотела помочь.

Я сглотнула.

— Давай, — Джу присела рядом, в руке у нее был топор.

— Я начну. Просто помогай мне.

Это был самый страшный час в моей жизни. Хуже, чем смерть родителей. Хуже, чем карантин. Хуже, чем все, что было до этого. Мы разрезали плоть, ломали крупные кости топором Джу, а кости помельче - ножом-топориком, упаковывали останки в черные пакеты. Я работала на автомате, отключив все чувства и превратившись в машину. Только так можно было это пережить. Только так я могла не думать об этом одуряющем запахе крови, казалось, пропитавшим весь дом насквозь. Если мой самоконтроль хоть на секунду даст сбой, кто знает, насколько я слечу с катушек. Во всей этой ситуации радовало (если тут вообще применимо

это слово) только одно: я не чувствовала запах крови Джу, только незнакомой охотницы. Значит, я хотя бы не попробую сожрать собственную сестру.

Джу работала молча, сосредоточенно, с каменным лицом. Но я видела, как дрожат ее руки, как она замирает, сглатывает, зажмуривается на секунду и потом вновь продолжает.

Когда все закончилось, на полу осталось только большое темное пятно. Джу собрала мешки и плотно их завязала.

— Я увезуэто, — сказала она. — Ты оставайся здесь. Тщательно отмой пол. Проветри дом. Уничтожь все следы. Хорошо, что штаб-квартира на самой окраине и вокруг нет другого жилья, никто не увидит и не задастся вопросом, что за генеральную уборку мы неожиданно затеяли.

— Куда ты отвезешь тело? — спросила я.

— За пределы города. На карте там обозначен старый карьер. В нем никто ее не найдет.

Я кивнула. Джу взяла мешки, накинула куртку и вышла. Дверь за ней закрылась, и я осталась одна.

Набрав в ванной воды, я смотрела на размазанное пятно на полу, на свои руки — чистые, отмытые, но казавшиеся мне по локоть в крови. И вдруг меня прорвало.

Я упала на колени и разрыдалась. Беззвучно, хотя никто и не мог услышать. Слезы текли по щекам, капали на пол, смешивались с водой, которой я пыталась оттереть кровь. Я плакала о себе. О Джу. О той девушке, имени которой я даже не знала. Об этом мире, который сломал всех нас.

Не знаю, сколько я просидела так. Может, минуту. Может, час. Но в какой-то момент слезы иссякли. Я вытерла лицо, встала и основательно принялась за работу. Мыла пол, стены, дверь. Заливала все какой-то вонючей химией. Проветривала комнату, хотя холодный воздух пробирал до костей. Уничтожала все возможные следы.

Когда Джу вернулась, я уже сидела на диване в гостиной, завернувшись в одеяло, и смотрела в одну точку. Она тихо вошла, сняла куртку и бросила ее в угол. Затем села напротив.

— Готово, — сказала она. — Там такая дыра, что можно хоть сотню трупов спрятать.

Я нервно дернула плечом. Надеюсь, до сотни трупов все же не дойдет.

— Теперь надо понять, что с нами происходит, — Джу достала рабочий планшет и включила его. — В базе должна быть информация.

Мы листали все, что было в доступе: файлы, отчеты, протоколы, все что касалось вируса, его мутаций, способов передачи. Ничего. Ни слова о заражении через слюну. Ни слова о том, что вампирами могут становиться люди с четвертой группой и отрицательным резусом. Все, что мы знали раньше, оказалось бесполезным.

— Новый штамм, — подвела итог Джу, — о котором даже наши не знают.

Мы переглянулись.

— Это просто какой-то сюр, — выдохнула я, отбрасывая планшет в сторону. — Еще вчера мы были обычными охотниками на задании. А сегодня... — я обвела рукой комнату, махнула на нас самих. — Сегодня мы стали вампирами, убили человека и расчленили труп. Вся выверенная жизнь просто псу под хвост!

Джу молчала. Смотрела на меня, и в ее глазах было что-то странное. Не жалость. Не сочувствие. Что-то другое. То, что я видела вчера в баре перед тем, как завертелось все это дерьмо.

— Эл, насчет твоей жизни — наконец сказала она. — Я должна тебе кое-что отдать.

Она встала, подошла к своему рюкзаку, порылась в нем и достала что-то, завернутое в плотную ткань. Протянула мне.

Я взяла сверток. Развернула.

И замерла.

Потрепанная тетрадь в клетку. Обложка когда-то была розовой, но теперь выцвела до невнятного грязного цвета. Углы замяты, страницы пожелтели и истрепались

Мой дневник.

Тот самый, который я начала вести пять лет назад. В свой пятнадцатый день рождения.

— Откуда? — прошептала я. — Его же забрали. Перед выпуском предложили вернуть, но я отказалась. Я думала, его уничтожили, как и все наши личные вещи.

Джу отвела взгляд.

— Я выкрала его. Перед уничтожением. Рискнула карцером, но... не смогла позволить им забрать все, что у тебя осталось от прошлой жизни.

Я смотрела на тетрадь, и внутри боролись два чувства. Боль — старая, глубокая, которую я годами замуровывала в самом дальнем углу души. И неожиданная благодарность — острая, пронзительная, почти такая же сильная, как боль.

— Зачем? — спросила я. — Зачем ты хранила его все это время?

— Чтобы ты однажды вспомнила, — тихо сказала Джу. — Кем ты была. Кем мы были. До всего этого.

Я покачала головой.

— Я не хочу вспоминать. Там столько боли...

— Знаю, — перебила Джу, аккуратно кладя теплую руку мне на плечо. — Но там не только боль. Там ты. Настоящая. Та, которая боялась высоты, но при этом собиралась лезть на колесо обозрения. Которая любила сладкую вату и плюшевых медведей. Которая верила в хорошее.

— Той меня больше нет, — глухо сказала я и отвернулась.

— Есть, — твердо сказала Джу. — Я вижу ее сегодня. Во все эти моменты. Когда ты очнулась над телом. Когда сказала, что не причинишь мне вреда. Даже когда ты истерила час назад. Та Эл, которую я знала с детства, еще там, внутри тебя. Просто заперта под слоями всего той дряни, что с ней приключилась. Помоги ей окончательно выбраться.

Я молчала, глядя на дневник. Пальцы сами поглаживали

потрепанную обложку.

— Прочти его, — мягко предложила Джу. — Вспомни.

— Я боюсь, — призналась я, вновь поворачиваясь к ней.

— Я рядом, — просто ответила Джу. И действительно села рядом, прислонившись плечом к моему плечу.

Я глубоко вздохнула и открыла первую страницу.

Здравствуй, прошлое

20.05.2020

Мне кажется, очень символично начать вести дневник в свой день рождения. Сегодня мне исполняется 15. Мама с папой подарили мне огромного плюшевого медведя, именно такого, как я хотела! Правда, я его ждала несколько дней рождений назад, но, мне кажется, даже в двадцать я буду радоваться плюшевым игрушкам. Я назвала его Барбарис, потому что у него нос красного цвета и такой же красный бант на шее.

Я остановилась, сглотнула ком в горле. Барбарис. Я вспомнила его. Огромного, такого бежевого, с этим немного нелепым бантом на шее. Он сидел у меня на кровати до... до того самого дня. А потом его, наверное, уничтожили. Как и все остальное.

— Я любила его, — прошептала я. — Барбариса. Он был мягкий и теплый. И пах ванилью. Наверное, мама стирала его с каким-то кондиционером.

— Я тебе даже слегка завидовала, — сказала Джу. — Он был такой уютный, что я постоянно тайком обнималась с ним, когда ты не видела.

— Почему тайком? — удивилась я.

— Было немного неловко так себя вести в целых шестнадцать лет, - широко ухмыльнулась Джу. Я только закатила глаза и вернулась к чтению.

А через полчаса придут Джу и тетя Энн. Джу — это моя двоюродная сестра. Она старше меня на год, но мы очень хорошо ладим. Я бы даже сказала, что ближе Джу у меня нет подруги. Мы совсем не похожи — ни по характеру, ни по внешности (Джу - невысокая рыжая бестия с голубыми глазами, я же — сероглазая брюнетка-интроверт с ростом 173 см), но понимаем друг друга с полуслова. Джу с тетей Энн живут на другом конце города. Вдвоем. Я частенько бываю у них на каникулах. Во дворе их дома растет большой клен. Когда мы с Джу были совсем маленькими, то очень любили на него забираться. Однажды я прилично с него навернулась, когда на спор полезла выше, чем обычно. На память об этом у меня остался шрам на локте и боязнь высоты.

Мама испекла мой любимый торт с вишневым вареньем. Не только его, конечно, наготовила кучу всего, просто торт - это гвоздь программы. А вообще после маминых праздничных ужинов невозможно просто встать из-за стола, укатываешься к себе коlobком. Вкусно так, что не оторваться. Слава богу, мне везет, у меня, как говорит мама, здоровый подростковый метаболизм, иначе я бы уже была как пончик. Кстати, о пончиках. Мама вчера их как раз пекла,

надо проверить, остались ли.

Что-то я отвлеклась. О чем там я писала А, про планы на день. Еще мы все вместе пойдем в парк аттракционов. Сегодня я хочу преодолеть свои страхи и поэтому дала себе обещание прокатиться на самой крутой горке.

Это мой первый дневник, и я пока не очень понимаю, как его правильно вести, но, говорят, это помогает приводить мысли в порядок, а мои скажут как стадо бешеных овец - так говорит моя мама. И, судя по этой записи, она права. Еще меня часто не хватает надолго что-то делать, но я очень стараюсь воспитывать свою силу воли. Ведь в следующем году мне уже 16, а это, как говорит папа, уже совсем другой уровень ответственности.

Кажется, Джу приехала раньше. Да, точно, я вижу тетьку Энн на подъездной дорожке. Невежливо заставлять гостей ждать именинницу. И, признаться честно, я очень хочу посмотреть, что они с Джу мне подарят, поэтому, видимо, мою первую запись в дневнике можно считать официально завершенной.

21.05.2020

Что-то происходит. Что-то совершенно непонятное, и мне страшно. В новостях говорят про какой-то вирус, стремительно распространяющийся по всему миру. С утра по улицам мчатся машины скорой помощи. Правительство настоятельно рекомендует как можно меньше контактировать с другими людьми и по возможности оставаться до-

ма.

Вчера все так хорошо начиналось. Мы приехали в парк, купили сладкую вату (это моя слабость и программа минимум на любую прогулку — сколько себя помню, мы всегда покупаем сладкую вату в парке, и обязательно клубничную, она самая вкусная) и начали выбирать, на чем прокатиться. Мама предложила оставить напоследок колесо обозрения, чтобы полюбоваться вечерним городом — пока еще было слишком светло.

Я решила начать с американских горок. Потому что, во-первых, незачем откладывать свое преодоление страхов, а, во-вторых, если долго тянуть, то будет еще хуже. Как назло, очередь туда была такой длинной, что я успела уже покрыться холодным потом и, возможно, даже слегка позеленеть. Тут еще практически перед нами объявили технический перерыв, и я подумала, это явно знак и что не стоит искушать судьбу. Поэтому позволила Джусу утащить себя в тир. Выиграть ничего не удалось, но и не могу сказать, что мы показали позорный результат. Я выбила чуть больше половины мишеней, Джусу, чуть меньше. Многие взрослые показали себя куда хуже. Родители и тетя, кстати, с нами не пошли, сказали, что не хотят в душное помещение, и остались на улице разговаривать.

— Помню тот тир, — вдруг сказала Джусу. — У меня тогда что-то в ружье заклинило, и я так разозлилась, что чуть не

разревелась.

— Ты? Разревелась? — я изумленно посмотрела на нее.

— Чуть не разревелась, — поправила она. — Но ты меня отвлекла. Сказала, мол, да ну эти глупости, пойдем лучше мороженое есть. И мы пошли. А потом нас разогнали по домам.

А дальше все пошло не по плану. Мы не успели провести в парке и часа — появились полицейские и настоятельно потребовали, чтобы все разошлись по домам. Они не сказали, что случилось, но по их лицам было件нятно, что это — не учебная тревога.

У нас в городке никогда ничего не происходило. Максимум, в прошлом году загорелся один из станков на ткацкой фабрике, но его быстро потушили, и никто не пострадал. Еще, кажется, взломали дверь мясной лавки около месяца назад, но миссис Стейн, которая там работает продавщицей, уже такая древняя, что могла и сама забыть ее запереть, тем более, что ничего не украли, только бродячие собаки пару кусков мяса погрызли

Папа подошел к своему знакомому полицейскому, мистру Гарднеру, но тот сказал, что не может ничего объяснить, у них просто приказ направлять всех людей по домам. Как на меня, он не выглядел сильно обеспокоенным — просто человек на службе, собранный, но не напряженный, даже наоборот, позволили себе слегка расслабиться и посме-

ялся над какими-то папиными словами. Папа у меня очень любит шутить. Я надеюсь, что его чувство юмора передалось мне, просто пока еще спит.

Так вот. Никто не выглядел напуганным. И я подумала, что точно ничего серьезного. По крайней мере, не психопат-убийца, сбегавший из тюрьмы, рыщет по улицам в поисках новых жертв. И не маньяк, вообразивший себя подражателем Джека Потрошителя. Да, несложно догадаться, что я — фанат тру-крайм историй.

Родители решили, что Дэжу и тетя Энн останутся у нас на ночь. Уютно устроившись в гостиной, мы достаточно весело поужинали, а потом я задула свечи на праздничном торте. Затем родители остались сидеть на кухне с бокалами вина, а мы с Дэжу ушли ко мне пересматривать вторую часть “Человека Паука” с Питером Холландом. Успели посмотреть только половину и так и уснули с включенным ноутом. А утром началась эта неразбериха.

Надеюсь, все скоро снова наладится.

28.05.2020

Пока ничего не наладилось. У нас в городе введен карантин. Все сидят по домам, продукты доставляют под двери дома специальные курьеры в масках, выходить разрешено только работающим на важных предприятиях. Поэтому мама и папа ходят на работу. Мама работает медсестрой в нашей больнице, а папа - главный инженер на местной электростанции.

Благодаря работе они, кстати, и познакомились. Мама только устроилась в больницу, и в ее смену привезли симпатичного парня, который неудачно грохнулся со стремянки прямо на бетонный пол (понятно, в кого я такая грациозная уродилась). Пока он ждал приема, пока делали перевязку, пока оформляли его в палату, он очаровал все отделение своими шутками. Мама тоже не устояла. И, цитируя ее, “хоть у нас была очень красивая медсестра Стейси Линн, которая тоже начала строить твоему папе глазки, выбрал он все равно меня”. После этих слов папа всегда обнимает ее и говорит, что, как только он ее увидел, ему не нужны уже были никакие Стейси Линн, он сразу понял, что влюбился с первого взгляда и на всю жизнь. И вот они уже 17 лет вместе, душа в душу. Я ни разу не слышала, чтобы они ругались или даже спорили о чем-то. Наверно, как раз про такие пары и говорят, что они как две половинки единого целого. Признаться честно, я бы тоже хотела однажды обрести такую любовь, чтобы раз и навсегда.

Я замерла. В горле предательски запершило.

— Они правда были двумя половинками, — Джу аккуратно прикоснулась к моей руке. — Тетя Джейн и дядя Мэттью. Я никогда не видела, чтобы люди так смотрели друг на друга.

— Я тоже, — ответила я. — И вряд ли когда-нибудь снова увижу.

Со Стейси Линн, кстати, мама потом даже крепко сдружилась. Они несколько лет работали вместе, а потом Стейси вышла замуж и переехала в другой город. Сначала они с мамой созванивались и переписывались, обменивались фото. Стейси даже родила сына примерно в то же время, что и я появилась на свет, и они с мамой шутили, что надо бы сразу договориться о нашей свадьбе, но потом их общение как-то оборвалось.

Мама говорит, что в больнице много заболевших. У всех высокая температура, которая ничем не сбивается, кашель с кровью и непереносимость света, поэтому медперсоналу приходится работать в полутьме.

Тетя Энн и Джу застряли у нас. Но, мне кажется, так всем даже лучше — мы много разговариваем и шутим, и так удается отвлечься от этого чувства неопределенности, которое накрыло всех. К тому же у тети нет ни домашних животных, ни даже рыбок (не люблю рыбок, как на меня, они, конечно, красивые, но тупые, и их даже нельзя взять и потискать, как, например, собаку или кошку), а из домашних цветов только кактусы — я думаю, эти-то переживут без полива. Тем более, что папа с тетей Энн несколько дней назад съездили к ним, собрали на всякий случай чемодан вещей. Мне абсолютно не жалко поделиться с Джу моими шмотками, но у нас разное телосложение (как минимум, разница в росте в 9 см, и я более угловатая), поэтому это выглядит комично, конечно. Да и неудобно, говорит

Джсу.

Каждый вечер мы с ней читаем Артура Конан Дойля. Я пытаюсь применять дедуктивный метод Шерлока Холмса, но пока не особо преуспела, потому что, если честно, его не к чему применять. После Дойля у нас по плану Бойцовский клуб Чака Паланика. Мы с Джсу решили по очереди выбирать книги для чтения, поэтому список, конечно, выглядит своеобразно: Маленький принц соседствует с Заводным апельсином, а Старик и море — с подростковыми антиутопиями, поскольку я сказала, что не выведу столько серьезной литературы без перерыва.

Школа закрыта, и не могу сказать, что я сильно расстроена по этому поводу. Скорее наоборот - мы можем спать до обеда и больше никакой домашки. А друзей-одноклассников у меня все равно нет, поэтому я не скучаю по всем этим лицам.

Почему-то из-за всей этой изоляции создается впечатление, будто мы оказались в каком-то фильме про апокалипсис. Иногда мне даже кажется, что вот-вот отключится электричество, перестанет работать связь, и мы окажемся отрезаны от внешнего мира. Я поделилась однажды этим с Джсу, но она посмеялась и сказала, что так только в фильмах бывает, а у нас — нормальная жизнь. Я бы не сказала, что она нормальная в данный момент, но, в целом, она права. Наверно.

21.06.2020

Сегодня у нас праздничный ужин — мы отмечаем День отца. В этом году не мама, а мы с Джу под присмотром тети Энн приготовили индейку, фаршированную яблоками, и лазанью — папины любимые блюда. Я бы хотела сказать, что мама хотя бы смогла уйти с работы пораньше, но нет.

Число заболевших не уменьшается. Мама очень устает, иногда она по несколько дней проводит в больнице, потому что им не хватает рук. Она сказала, что они обнаружили интересную закономерность - подавляющее большинство заболевших имеют первую положительную группу крови, совсем нет заболевших с четвертой или с отрицательным резус-фактором любой группы. У Джу как раз четвертая группа, ей совсем повезло, у меня - третья отрицательная, как у папы и тети Энн, поэтому, в принципе, мы не в группе риска. У мамы первая положительная, но она говорит, что предпринимает все возможные и невозможные меры предосторожности, потому что болеть сейчас вообще некогда. Взрослые, кстати, почти все выживают, большая смертность у детей и стариков, поэтому я не так волнуюсь. Да и сколько я себя помню, мама вообще редко болела, у нее какой-то супер иммунитет. А вот я в детстве почти не вылезала из соплей, простуд, ангины и прочих болезненных прелестей. Лет до десяти вообще очень часто лежала в больнице. Зато перечитала кучу книг, поэтому опережала всех по школьной программе. А потом начала читать все, до чего дотягивалась в школьной и городской библиоте-

ках. Одноклассники стали дразнить заучкой. Сначала было обидно, но потом я поняла, что с книгами намного интереснее, чем с ними, и абстрагировалась. Сейчас я — одна из самых лучших учениц, гордость и надежда школы. Планирую поступать, конечно же, в лучший университет страны — осталось только точно определиться, какой именно. Хотя вся эта сложившаяся ситуация меня немного напрягает, я стараюсь с оптимизмом смотреть в будущее.

Правда, иногда это бывает очень сложно делать. В довершение к вирусу у нас участились нападения диких зверей, предположительно волков — так говорят местные власти. Они убили уже несколько человек, буквально растерзали их на куски. Как говорится, все и сразу. Странная, конечно, с этими нападениями история. Заходил мистер Гарднер и я услышала, как он рассказывал родителям, что они давно такого не видели, погибшие как будто в огромной мясорубке побывали — оторванные руки и ноги, измочаленные тела, выпотрошенные внутренности — даже бывалым стало плохо. Может, местные волки с кем-то скрестились?.. И получился такой условно новый вид хищников. Папа запрещает нам теперь совсем выходить из дома, даже ненадолго на задний двор, а маму на машине отвозит и забирает с работы.

А, еще в нашу жизнь прочно вошли медицинские маски. Сначала правительство просто рекомендовало их носить, но теперь это обязательно, отсутствие маски карается

штрафом. Носить их нужно даже на улице, но мне кажется, что это полный бред.

08.09.2020

Вчера в школах возобновились занятия. Совсем мелких и учеников средней школы перевели на дистанционное обучение — теперь учителя осваивают преподавание через Zoom. Старшая школа ходит на занятия, но большие нельзя самостоятельно добираться в школу, только на школьном автобусе, и на выходе из него обязательно встречают несколько учителей. Вечером нас так же группами провожают до автобуса.

У нас появился новый предмет — логика. И стало гораздо больше уроков физкультуры — почти каждый день. Такое впечатление, что из нас готовят каких-то олимпийских чемпионов. Говорят, что еще введут занятия по самообороне. Возможно, это связано с тем, что нападения волков все еще продолжаются. Я не думаю, что нас будут обучать, как драться с животными, но, в любом случае, лишним не будет.

Джу и тетя Энн продолжают жить у нас. Мы решили, что так будет лучше. Тетя Энн — редактор в местной газете под названием “Новости без границ”, поэтому она работает удаленно и присматривает за нами и домом.

В отличие от меня, Джу очень нравятся занятия по физподготовке. Мне кажется, она готова бегать, приседать и отжиматься часами. Когда она услышала про занятия

по самообороне, то сказала, что, возможно, в мире случился зомби-апокалипсис, о котором правительство пока молчит, но нас уже к нему готовят.

Я посмеялась, но эта мысль немного напугала меня и вместе с тем заставила задуматься. Не то чтобы я верю в зомби и что-то такое, но в мире явно происходит что-то нехорошее.

Волки опять же эти Надо на досуге сесть и обязательно покопаться в этой истории — как раз и дедуктивный метод пригодится, наверно. Только откуда взять информацию В газетах мало что пишут. Кстати, тете Энн, как она недавно возмущенно рассказывала, запретили отправлять журналистов в места нападения животных — типа нечего гражданским делать на месте преступления, и теперь она жалуется, что приходится опираться только на слова очевидцев, а они все разнятся. Кто-то ничего не видел, кто-то видел какую-то небольшую тень, кто-то — наоборот, огромного зверя. Кто-то говорит, животные разрывают людей на части, кто-то — что трупы только сильно искусаны и потеряли много крови. Все очень непонятно.

Пока делала эту запись, услышала по радио, что в конце недели наш президент выступит с обращением по поводу вируса. Надеюсь, он скажет о том, что его удалось взять под контроль, потому что, если честно, все уже прилично устали. Мы постоянно в масках — в школе, на улице, только дома еще не носим. По-прежнему нельзя выходить из до-

ма никуда, кроме школы. Я бы, наверно, совсем свихнулась, если бы не Джусу. Мы вместе делаем уроки, читаем книги и играем на компе. Еще мы начали новую игрушку про динозавров, там нужно провести спасательную миссию на острове и спасти сотрудников местной лаборатории. Как оказалось, у меня отлично получается разгадывать всякие заковыристые головоломки, даже если сзади тебя окружает толпа (стадо? стая?) голодных динозавров, а Джусу смело мочит всех на своем пути, пока мы ищем выход из ситуации. Иногда мы меняемся, но у меня с рефлексами чуть похуже, конечно. В целом, признаю без лишней скромности, команда получилась просто высший класс. Думаю, в реальной жизни мы были бы не менее круты.

Из дневника выпала старая газетная вырезка — видимо, за столько лет клей перестал ее держать. Это была статья после речи президента.

В связи с распространением нового опасного вируса глава государства выступил с экстренным обращением к нации. По его словам, вирус представляет серьезную угрозу для населения, так как передается воздушно-капельным путем и вызывает необратимые изменения в организме человека, а именно - превращает людей в существ иного порядка, зависящих от крови и, предположительно, склонных к каннибализму.

Особое внимание президент уделил характеристикам вируса. По имеющимся данным, заболевание не затрагивает людей с четвертой группой крови и отрицательным резус-фактором. В настоящее время ученые ведут интенсивные исследования для определения механизмов распространения и воздействия патогена.

Президент подчеркнул, что несмотря на серьезность ситуации, государство предпринимает все необходимые меры для защиты населения. Создаются специальные карантинные зоны, разрабатываются протоколы безопасности, ведется работа по информированию граждан о правилах профилактики.

Для борьбы с угрозой будет создана специальная структура – под условным названием “отряды охотников”. В их состав войдут граждане-добровольцы, обладающие соответствующими качествами: отличная физическая подготовка, быстрая реакция, аналитический склад ума, четвертая или отрицательная группа крови и заниженный уровень эмпатии. Отбор кандидатов будет производиться с особым вниманием к их здоровью и психологическим характеристикам.

Помимо боевых отрядов по нейтрализации зараженных также будут созданы новейшие исследовательские лаборатории по изучению вируса, инженерные корпуса по созданию сдерживающих инструментов и интеллектуально-аналитические центры. Первостепенной задачей последних бу-

дет организация круглосуточного наблюдения за всеми улицами страны, что в будущем должно ускорить реагирование и минимизировать жертвы.

Набор во все подразделения Всемирной Ассоциации Многоуровневой Протекции И Реабилитации (В.А.М.П.И.Р.) будет осуществляться с шестнадцати лет.

В заключение обращения глава государства призвал граждан сохранять спокойствие и следовать рекомендациям специалистов. “Вместе мы справимся с этой угрозой. Наша сплоченность и организованность – ключ к победе над всей этой ситуацией”, – заявил президент, выразив уверенность в способности нации преодолеть возникшие трудности.

Ия Фриман, специальный корреспондент, “Новости без границ”

11.09.2020

— О, я припоминаю Ию Фриман, — подала голос Джу. — Она была маминым любимым внештатным корреспондентом, и та часто печатала ее статьи. И, мне кажется, она единственная, кого я не видела вживую на всех их собраниях и корпоративах.

— А я помню, какое недоумение вызвало тогда заявление президента. Тогда казалось, что правительство сошло с ума. Ну это же просто бред, какие вампиры? Скажите еще, что зубные феи реальны.

— Уж лучше бы зубные феи, — хмыкнула Джу, а я перевернула страницу.

Эфир закончился меньше часа назад. Первые несколько минут мы все переваривали такую новую, чуждую информацию. Мама с папой, конечно, не поверили, они очень скептически ко всему сверхъестественному. Мама даже пошутила, что в таком случае у них половина начальства заражены и тоже кровозависимы и склонны к каннибализму - в том плане, что пьют кровь подчиненных и выедают им мозг чайной ложечкой по поводу и без. Однако я не могу перестать вспоминать ее рассказы о заболевших. После высокой температуры градус тела болеющего снижается ниже положенных 36,6 до критических 34, при этом люди, хоть и заторможены, но вполне жизнеспособны (живые мертвецы? неужели и зомби реальны?) Они постоянно голодны, много едят, но никак не могут насытиться. На время болезни развивается светобоязнь. Плюс эти нападения животных, возникшие как раз в разгар эпидемии

Еще мне показалось странным, что тетя Энн постоянно уводила глаза при общем разговоре и быстро ушла к себе в комнату, сославшись на головную боль. Джу обещала ее расспросить — вполне вероятно, что по долгу службы она знает больше, чем было озвучено сегодня в эфире.

Мне очень не хочется в это верить, но мы с Джу потом обсудили эту ситуацию и пришли к неутешительному вы-

воду: пазл-то складывается, и в очень тревожную картинку. Джусу, хоть и была первоначально несколько озабоченной всеми событиями, в целом показалась мне даже в какой-то степени восторженной? Она расхаживала по комнате, размахивая руками и строя различные теории, как теперь может поменяться наша жизнь. Предположения варьировались от быстрого окончания всей этой эпидемии, потому что у правительства все должно быть уже почти под контролем, до масштабного “а что, если мы все переедем жить в подземный бункер?” Мне кажется, Джусу всегда не хватало движухи в нашем городе. С ее характером все вокруг слишком мелкое, слишком тихое, слишком спокойное, слишком нормальное. Я уверена, в прошлой жизни она точно поднимала народ на баррикады.

Как бы то ни было, вакцины от этого вируса нет. Пока Мне так хочется верить в это “пока”, но что-то внутри меня шепчет, что это говорится только для поддержания надежды. Можно ли вообще изобрести противоядие от вампиризма, если это правда оно? Мне кажется, единственное, что может помочь в этой ситуации — это кол в сердце.

Вспомнить все

Дальше шли записи о школе, о тренировках, о том, как мы привыкали к новой реальности.

14.09.2020

После выходных школа фонтанирует досужими сплетнями и слухами. Кто-то из одноклассников откровенно высмеивает рассказанное правительством, кто-то, как и я, примыкает к лагерю скорее поверивших.

На уроке логики нас просят высказать свое мнение касательно сложившейся ситуации. Я замечаю, как внимательно мистер Россман, наш новый преподаватель, осматривает класс, словно пытаясь что-то в нас разглядеть. Когда очередь доходит до меня, я говорю, что пока еще слишком мало фактов для того, чтобы составить полную картину происходящего. Задира-одноклассник Эндрю Томас скептически хмыкает, мол, чего еще тут смотреть, просто бредни какие-то — не иначе как правительство не в себе. Раздаются смешки его подпевал. Однако мистер Россман лишь взмахом руки заставляет всех заткнуться и кивает, чтобы я продолжала. Я говорю, что если, только если допустить, что вирус действительно превращает людей в существ (придерживаясь озвученной терминологии), зависящих от крови, именуемых в простонародье “вампиры”, то

требуется как минимум ряд исследований. Если опираться на фольклор и предлагаемые им знания о кровососущих, то заболевшие должны бояться света (что есть в действительности), чеснока (но, насколько мне известно, в больничном меню чеснок присутствует как минимум в рагу), плохо переносить прикосновения к серебру (не проверено) и не выживать после воткнутого в сердце осинового кола. Хотя, не могу удержаться от шутки, я еще не встречала и нормального человека, который бы пережил последний опыт. Поэтому, подводя итог всему ранее сказанному, я не могу полноценно утверждать, что это именно вампиры, но что-то необычное в этом вирусе точно есть.

Мистер Россман, слегка сузив глаза, цепко рассматривает меня, затем что-то быстро пишет в своем блокноте. Повисает неловкая тишина. Не отрываясь от записей, он интересуется моим возрастом и группой крови и, получив ответ, как мне кажется, слегка разочарованно качает головой.

Вечером Джу рассказывает, что их также расспрашивали на логике, что они думают по поводу вируса. Она предложила всем посмотреться в зеркало, мол, вампиры же не отражаются, но потом отмела эту идею, объяснив, что они не отражаются только в зеркалах, покрытых серебром, а сейчас таких не делают. И дальше на преподавателя вывалился целый ворох вопросов:

— Верно же, мистер Россман? А что вам известно, ми-

стер Россман? Интересно, а если ткнуть зеркалом в морду дикому зверю? А, может, ввести в экипировку отрядов карманные зеркала? Знаете, такие, как пудреницы? Как вы думаете, мистер Россман, они боятся серебра? Не знаете? Жаль. А чего они тогда боятся?

Джу всегда была такой. Она как светошумовая граната. Шутит, громко смеется, хлопает всех по плечу, сыплет словами. Обычно никто и не замечает, как она уводит беседу в нужное ей русло. Вот и мистер Россман, судя по всему, остался доволен Джу, потому что поставил ей "отлично" за активность на уроке и посоветовал не пропускать занятия по физподготовке и обязательно записаться на курс по самообороне. Впрочем, прибавил он, это может однажды спасти жизнь всем в этом классе, поэтому никому не стоит пренебрегать этими дисциплинами.

Я решила присоединиться к Джу и ее утренним занятиям гимнастикой и подумываю тоже записаться на самооборону. Как раз вдвоем будет удобнее отрабатывать приемы.

Вспомнила. Джу вчера, как и обещала на днях, таки попыталась разговорить тетю Энн на предмет ее странной реакции на все эти новости, но та, обычно мягкая и добрая, резко посоветовала Джу не лезть не в свое дело. Затем, видимо, заметив ошарашенный вид дочери, сказала, что, даже если бы что-то и знала, то не могла бы рассказать, потому что подписала соглашение о неразглашении и не мо-

жет вообще ни с кем делиться информацией. Это окончательно убедило нас, что тетя что-то скрывает. Но мы решили пока усыпить ее бдительность и оставить видимые попытки что-то разузнать.

— Мама всегда была под колпаком, — вздохнула Джу. — Я не знала, насколько, пока сама не подписала такие же бумаги.

— Жалеешь?

— О том, что подписала? — Джу помолчала. Потом покачала головой. — Нет. У меня были на это свои очень веские причины.

16.11.2020

Прошло несколько месяцев нашей, скажем так, новой жизни. Мы с Джу успешно постигаем науку самообороны, я даже втянулась и начала получать удовольствие от занятий физподготовкой. Полагаю, что наша с Джу утренняя гимнастика этому очень поспособствовала. У меня даже начали появляться мышцы, нормальные мышцы! Для меня, всегда кривившей нос от физкультуры, это правда удивительное дело.

Появились небольшие послабления — теперь можно не сидеть безвылазно дома, потому что улицы патрулируют новосозданные отряды охотников. В один из них даже вошел одноклассник Джу, Колин Маккерей, ему месяц назад как

раз исполнилось 16. Он очень симпатичный, кстати. Мы пересекались на тренировках раньше. Мне кажется, Джу заметила, что он мне нравится, но пока воздержалась от комментариев. Что странно.

— Колин Маккерей, — хитро ухмыльнулась Джу и тут же посерьезнела. — Я и забыла про него. Интересно, жив ли.

— Не знаю, — ответила я. — И не хочу знать.

Я смутно помнила ту первую подростковую влюбленность, как мне казалось, что в моей груди раскрывается огненный цветок, когда Колин смотрел на меня. Он наверняка видел во мне просто сопливую девчонку, но мне тогда он казался лучшим парнем на земле. Я предпочту считать, что он где-то служит на благо нашей родины, как любил говорить генерал Джекс, чем что его кости давно сгнили в земле.

Джу кивнула. Она понимала больше, чем я могла сказать вслух.

Однако, вместе с послаблениями ввели комендантский час. С 23:00 до 05:00 запрещено появляться на улицах. С нарушителями не церемонятся, потому что вполне может оказаться, что перед тобой не просто загулявший горожанин, а кровожадная тварь.

Кстати о тренировках. Теперь каждое наше утро начинается с пробежки. Я пыталась было пару раз проспать или пропустить, сославшись на плохую погоду, но оказа-

лось, что Джу беспощадна и склонна к армейской дисциплине. Даже в промозглый мокрый снег она волоком вытаскивает меня из постели и пинает на темный стадион. Стоит отметить, что обычно мы там не одни — часть горожан восприняла нависшую над всеми нами угрозу достаточно серьезно.

После пробежки мы выпиваем привычный теперь для всех шот витаминного бустера — это новейшая разработка ученых В.А.М.П.И.Р, призванная укреплять и поддерживать иммунитет, ведь в сложившейся ситуации опасно даже носом шмыгнуть — сразу отправляют в лазарет, потому что вирус прекрасно прилипает к ослабленному организму.

Мама приучила нас не полагаться только на химию и готовит нам по своему фирменному рецепту крайне гадкий напиток из тертого имбиря, чеснока и лимона с медом. Пить это практически невозможно, но действительно бодрит на весь день.

Перед стандартными школьными занятиями у нас гимнастика, — честное слово, это просто испытание на выносливость, потому что наш тренер непредсказуем. В один день он заставляет нас стоять на руках вниз головой, пока кровь носом не пойдет, в другой — не выпускает из зала тех, кто не может сесть на шпагат (пока они, собственно, это не сделают). Правда, результат от этих пыток разительный. Оказывается, мое тело на многое способно.

Ну и заканчивается наш школьный день тренировкой по самообороне. Не могу сказать, что я действительно кайфую, прижимая лед к подбитому глазу или расквашенному носу. Про косметику тоже пришлось забыть. Не то чтобы я сильно красилась, но синяки на лице, как оказалось, не перекрываются тональным кремом, а тушь во время активных тренировок сползает под глаза, что вкупе дает просто кошмарный эффект, краше в гроб кладут.

У нас с Джусу значительная разница в росте, и наши спарринги выглядят обычно комично. Она изучила, наверное, пару сотен разнообразных подсечек и раз за разом роняет меня наземь, вышибая со всего маху воздух из легких. Не стоит даже говорить о том, что от затылка до копчика у меня все синее, потому что:

— Маты? Какие маты? На улице нет никаких матов!

Зато у меня длиннее руки, и если Джусу не успевает увернуться, ей прилетает по лицу и корпусу.

Пару раз мы, правда, увлеклись и действительно смачно подрались, нас даже пришлось растаскивать. Папа ворчал, что мы сцепились, как дворовые кошки, а мама и тетя Энн принципиально заставили нас лечь спать, как всегда, в одной комнате, хоть я была готова переночевать даже в подвале, лишь бы не с ней. Но на утро Джусу, как обычно потащила меня на пробежку, и обижаться не осталось никаких сил

Замкнутый круг.

Просто какой-то день сурка.

Как, наверно, стало понятно из вышенаписанного, в стране продолжается формирование отрядов охотников на вампиров. Правда, из-за аббревиатуры Всемирной Ассоциации Многоуровневой Протекции И Реабилитации, люди начинают охотников называть как раз вампирами, а вампиров — кровососами. Я, правда, пока не привыкла и до сих пор зову всех по старинке.

Да, я пишу слово “вампиры”. За эти два месяца мы с Джу много анализировали ситуацию и пришли к выводу, что это правда. Сначала было, конечно, дико и странно это осознавать, потом просто страшно. Я никогда не хотела жить внутри ужастика со сверхъестественным. Джу говорит, у нас все равно нет выбора, поэтому надо подстраиваться под новую действительность. И пересмотреть пару фильмов для изучения матчасти. Ну что тут сказать. Джу.

— О-о-о, — протянула я, — смотри, что тут сохранилось.

Объяснительная 15 от 25.11.2020

Я разбила нос тренеру Вудстоку, за то, что он назвал меня слабой.

Больше так не называл.

Проступок признаю.

Наказание принимаю в полной мере.

— Директор Стейн даже уже не кричал тогда, смирился, — ухмыльнулась Джу. — Вызвал маму в школу, но это давно перестало пугать меня к тому времени. К тому же, я знала, что она меня поймет.

Я перевернула страницу. Начинались самые страшные записи.

— Ты как? — сразу посерьезнела Джу. — Может, превеешься хоть ненадолго?

— Нет, — ответила я. — Ты сказала, что мне нужно вспомнить. Лучше все разом, чем резать себя по кускам.

24.12.2020

Сегодня Рождество. Вечером будет семейный ужин, мы приготовили кучу вкусностей и уже нафаршировали утку — надо только не забыть запихнуть ее в духовку, когда мы вернемся из школы.

Мама почти не появляется дома. Больница претерпела сильные изменения — боксы для больных укрепили пуленепробиваемыми стеклами, и персонал входит в палаты только в сопровождении вооруженной охраны. Хоть еще не было ни одного нападения заболевшего в стенах клиники, никто не хочет пострадать. Все еще непонятно, как определить, кто из заболевших станет кровососом, а кто благополучно выздоровеет. Симптомы у всех первоначально одинаковые, понять, что именно ты подхватил, удастся только после расширенных анализов крови, но до этого тебя ка-

кое-то время держат в карантинном боксе. И, как показало наблюдение за больными, скажем так, обращается только часть. Должна быть какая-то закономерность, но я пока не могу ее понять — информация практически засекречена, только иногда мне удается подслушать, как мама делится какими-то новостями с папой и тетей Энн на кухне, думая, что мы уже спим.

Издание, в котором работает мама Джусу, под контролем правительства. Все статьи проходят обязательное утверждение перед публикацией. Тетю Энн это жутко бесит, но она связана по рукам и ногам. Об этом я тоже услышала тайком, естественно. Тетя Энн однажды бушевала вечером, что статью ее спецкора не пустили в печать, потому что в ней описывалась его слежка за несколькими потенциальными вампирами. Официальной причиной для отказа стало якобы вторжение в частную жизнь добропорядочных граждан. Но тетя Энн уверена, что прессе просто затыкают рот, чтобы случайно не просочилось что-то лишнее в массы.

Новостей от самого правительства, кстати, мало. В основном по радио и ТВ крутят агитационные ролики для вступления в В.А.М.П.И.Р., интернет тоже нестрит этими роликами, популярные блогеры в своих видео и подкастах то и дело напоминают о том, что оказывать все возможное содействие в этой ситуации — наш гражданский долг. Я уже молчу о ярких баннерах во всех соцсетях.

Иногда попадаются интервью, где какой-нибудь седовласый ученый, поправляя очки, мягким голосом говорит, что исследования вируса идут успешно, и он уверен, что скоро разработают вакцину. А пока все ждут этого радостного события, мир продолжает переворачиваться вверх тормашками.

Помимо агитации текущего политического курса я еще встречаю те, в которых говорится, что это просто заговор, что президент и его команда что-то скрывают, что людей зачем-то просто хотят запереть дома, что это только инструмент контроля, никакого вируса на самом деле нет. Такие видео быстро подчищаются, но я успеваю заметить, что под каждым из них обязательно есть комментарии сомневающихся. Наверно, если бы мама не работала в больнице, я бы тоже могла не поверить в происходящее. Или если бы на днях сама не получила этому подтверждение.

Мы никогда не были друзьями с Эндрю Томасом — даже скорее наоборот, он всегда цеплялся ко мне и называл заучкой, а я считала его непроходимым тупицей и полным идиотом. Но даже ему я не желала бы такой участи — стать чудовищем.

Просто в голове не укладывается. Он был такой же, как обычно — выглядел нормальным человеком, ходил со своими друзьями обедать, пил воду, ел обычную еду, занимался спортом на солнце. В нем было невозможно заподозрить вампира. Но утром в школьном туалете обнаружили уби-

тую девочку, а, проходя мимо в столовой, на манжете его рубашки я заметила пятнышко крови — маленькое, я бы даже сказала крошечное, я могла бы и не разглядеть его, или это могла быть капля кетчупа, и все бы обошлось — но то, как он ринулся на меня в хищном оскале, когда понял, что я вижу, исключало любые сомнения. И тут я поняла, что абсолютно не готова к нападению. Неважно, насколько спортивной и сильной я стала после всех тренировок, неважно, что Джусу натаскала меня с разными приемами — все оказалось бесполезно. Я никогда в жизни не смогла бы нанести первый удар чудовищу, которое несется на меня с невероятной скоростью. Я замерла, и только мой взгляд метался от стенки к окну, от окна к двери, в то время, как я с ужасом понимала, что не успеваю спастись, не успеваю выбраться живой. Я ничего не могла сделать. И лишь в последнюю секунду наконец сработал инстинкт самосохранения, тело рефлекторно крутанулось в заученном движении, и руки Эндрю, с растопыренными пальцами, с удлинившимися когтями, пролетели чуть ли не в миллиметре от меня. Одноклассник разочарованно взвыл, но тут, к счастью, подоспели тренер Вудсток и мистер Россман. Преподаватель логики чем-то брызнул в глаза Эндрю, тот заорал, как бешеный и схватился за лицо, и в это же время тренер со всей силы шарахнул его стулом по голове. Вырубить полноценно, конечно, не смог, но хоть немного дезориентировал. Вдвоем они смогли оттеснить Эндрю в чулан для швабр до приезда

да сотрудников В.А.М.П.И.Р. Те явились полностью экипированными в защитную форму, четко и слаженно выволокли извивающегося и отбивающегося парня из школы и запихнули в машину, которая умчалась под аккомпанемент постепенно затихающего нечеловеческого воя. Я спросила мистера Россмана, чем он брызнул в Эндрю. Оказалось, что это была вода с частицами серебра.

Если раньше я думала, что вампиры полностью теряют человеческий облик, то теперь понимаю, что, судя по всему, существуют еще и те, кто сохранил хоть толику разума (по крайней мере до наступления критической ситуации, а дальше в дело, видимо, вступают инстинкты), кто не отличается по внешнему виду от нас. Только имеют еще нехилый такой бонусик в виде суперсилы и приличный недостаток в виде зависимости от человеческой крови. И это все очень усложняет. Как узнать вампира в том, кто ведет себя по-прежнему?

На уроках самообороны нас учат драться с кровососами как со зверями, на уроках логики нам говорят, что все мутировавшие — поехавшие крышей, в них не остается ничего человеческого, но разве Эндрю не выглядел как обычный человек?!

Я в смятении.

Перед тем, как перевернуть следующую страницу, я все-таки заколебалась. Дальше шли записи, которые я помнила

смутно — словно сквозь толщу воды. Те дни после Рождества, после всего, что случилось. Я писала тогда в полубреду, под седативными, сквозь истерики, отчаяние и невыносимую боль.

Джу молчала, лишь крепко сжала мою ладонь.

И я решилась.

01.01.2021

Я постараюсь рассказать без истерики, что произошло за эту неделю, иначе у меня отберут дневник, и я окончательно слечу с катушек. Его и так рано или поздно отберут, я это чувствую, но пока я могу хоть куда-то вылить свои мысли.

В день, когда я сделала прошлую запись, мы с Джу беззаботно возвращались из школы. Снег срывался крупными хлопьями, все дома были красиво украшены к празднику. И так хотелось верить в чудеса, что даже происшествие с Эндрю Томасом сгладилось в памяти. Я предвкушала вкусный ужин и семейные посиделки, разворачивание подарков под елкой. Я знала, что родители подарят новый том моей любимой энциклопедии, и я просижусь за ее чтением до самого утра. Я знала, что утром мы будем пить какао с маршмеллоу и пересматривать “Один дома” всей семьей, вместе с Джу и тетей Энн. Я знала, что потом мы пойдем лепить снеговиков и играть в снежки. Я знала, знала, знала, знала, знала!

Я даже не догадывалась.

Родители всегда говорили, что я — самый умный ребенок, которого они когда-либо видели. Я могла бы им не верить, но это подтверждали учителя, мои оценки и школьные олимпиады. Мне прочили учебу в самом престижном вузе и затем отличную карьеру.

Я должна была догадаться.

Я должна была сопоставить все эти чертовы факты, все то, что я подслушала, прочитать еще большие литературы, пусть даже самой бредовой, я должна была все проанализировать, я должна была понять. Но в моем маленьком мире было все так хорошо, даже несмотря на то, что творилось вокруг. И я верила, что правительство и ученые скоро найдут лекарство, может, вот уже даже нашли, и с нового года мы все начнем с чистого листа. С чистого листа

Мама же говорила, что больше всего заболевших — с первой положительной группой крови, что вообще болеют, в основном, с положительной, с отрицательной среди пациентов нет. Она так старательно впихивала в меня все эти витамины, свои настойки, даже стирала свою форму медсестры исключительно не дома, хоть это было и не обязательно, чтобы перестраховаться, чтобы ничего не притащить, чтобы никто не заболел Почему я не обратила на ее рассказы внимания? Почему не сообразила, почему ничего не предприняла? Можно же было что-то придумать! И ничего этого бы не произошло, и все было бы в порядке, и...

— Ты не виновата, — горячо воскликнула Джу. — Слышишь? Ты бы все равно не смогла ничего сделать.

— Знаю, — ответила я. — Сейчас я это понимаю. Но тогда тогда я жутко винила себя за случившееся.

— Ты была просто ребенком, — сказала Джу. — Даже взрослые там облажались, ты тем более не могла ничего изменить.

Я медленно кивнула и продолжила чтение.

Я зажимаю рот рукой, чтобы не выть, чтобы ко мне опять не пришли, не вкололи успокоительное. Из-за него я и так многое упустила.

А еще я так старательно пишу все подряд, чтобы не переходить к главному, потому что я не могу, просто не могу, не могу и не хочу об этом писать. Но я знаю, что должна, потому что иначе я сойду с ума, потому что я уже схожу с ума.

В тот день входная дверь была слегка приоткрыта и поскрипывала на сквозняке. Мы знали, что тетя Энн уехала в редакцию журнала на небольшой корпоратив, она планировала вернуться непосредственно к ужину. Она, конечно, могла не закрыть дверь, но тетя никогда не страдала рассеянностью. Мы с Джу насторожились и, перехватив рюкзаки поудобнее, осторожно вошли в дом.

На первый взгляд все было в порядке, только у входа наме-

ло немного снега, уже превратившегося в лужу. Еще я рассмотрела смазанные мокрые следы, ведущие в кухню, и учуяла легкий запах горелой утки. Я бросила взгляд на вешалку. Так и есть, папа уже вернулся, вот его куртка. Видимо, он поставил птицу в духовку, вышел на веранду проводить тетю Энн, а потом понял, что с кухни тянет горелым и рванул туда. Вот и разгадка открытой двери.

Хлопнув Джусу по плечу, я сказала: “Расслабься, Чудо-женщина, пойдем спасать наш ужсин” и с улыбкой двинулась в кухню. Открывшаяся передо мной картина навсегда отпечаталась в памяти. Я закрываю глаза и словно снова оказываюсь в том месте.

В духовке действительно подгорала утка, а на полу, рядом с кухонным уголком, утробно порывивая и причмокивая, какой-то окровавленный монстр копошился над бездыханным телом моего папы, сломанным, словно старая кукла. Его остекленевший взгляд был направлен в мою сторону, и я, омертвев от ужаса, застыла в дверном проеме. На кухне был полнейший разгром, и краем глаза я увидела что-то на полу недалеко от меня. Переведя взгляд, я осознала, что это оторванная папина рука. Пол был почти весь в кровавых разводах и лужах. Из моей груди вырвался сдавленный хрип. Чудовище у тела подняло голову на звук. Это была моя мама. Впрочем, на нее она была уже так мало похожа — искажившиеся черты, оскаленные зубы, кровожадный взгляд. Зверь, подхвативший бешенство.

— Мама? — все еще неверяще прошептала я. Джэу застыла за моей спиной. — Мама, это я, Эл

Мама медленно поднялась, продолжая скалить зубы и протягивая в знакомом, таком родном движении руки. Джэу рванула меня на себя. Это движение произвело эффект разорвавшейся бомбы. Мама прыгнула ко мне, преодолевая невозможное для обычного человека расстояние. Джэу одной рукой толкнула меня в сторону, уводя с линии прыжка, а второй схватила стоящий рядом стул и со всей силы шибанула им чудовище, бывшее моей мамой. Я зажала рот ладонью. Стул разлетелся на куски, а это животное лишь слегка покачнулось и переключилось на Джэу, которая рванула от нее в другой угол кухни, по пути швыряя в монстра все, что попадалось под руку, и стараясь не убиться на скользком полу. Я помню пролетевший мимо чайник, помню, как еще горячая вода разлетелась брызгами, попадая на меня и на все вокруг. Нож со свистом рассек воздух и вонзился в дверцу шкафа, не причинив никому вреда. Кажется, в маму не могу, не могу, не могу! в чудовище полетела даже буханка купленного этим утром хлеба, мягкая и бесполезная. Если бы не Джэу, я бы точно погибла, потому что никак не могла сбросить с себя это оцепенение. Я была словно в вате, в которую мы всегда заворачивали елочные игрушки после Рождества. В какой-то момент мне даже показалось, что я сама превратилась в хрупкую стеклянную игрушку и лечу с огромной высоты на твердый пол. Все было таким нере-

альным, таким не со мной происходящим.

Но когда мама загнала Джусу в угол и та метнула в меня отчаянный взгляд, я вдруг резко осознала, что моей мамы больше нет, а сейчас я потеряю еще и сестру, если не возьму себя в руки. И такая удивительная ясность наступила в моей голове, такая пронзительная, звенящая тишина.. Я рванулась к ящичку с приборами и начала швырять в чудовище серебряные вилки, ложки и ножи из — как иронично — маминого любимого набора. Серебро не убивало, но обжигало, и тварь переключила свое внимание на меня. Дальше мы с Джусу действовали практически на рефлексах и мышечной памяти. Мы оттеснили вампира в небольшую кладовку рядом с кухней перевернутым столом, как тогда, в школе, поступили наши инструкторы, и тщательно заперли дверь. Пока Джусу для надежности подпирала ее еще и собой, я, давясь всхлипами, чувствуя, как адреналин постепенно отпускает меня, звонила в В.А.М.П.И.Р. — благо, номер нас заставили заучить в школе — и рассказывала о произошедшем, в то время как на фоне орало и ревело чудовище. А потом я уронила трубку телефона, навалилась на дверь рядом с Джусу, закрывшей глаза, сжавшей побелевшие от напряжения губы и упершейся для надежности пятками в скользкий от крови пол, и, отвернувшись, беззвучно заливаясь слезами, слушала, как за дверью визжит и беснуется мама, моя прекрасная, добрая, любящая, веселая мама, крепко обнявшая меня вчера, когда уходила на дежурство в больницу, а

сегодня убившая моего папу и пытающаяся сожрать нас. Она обрушивалась на дверь, пытаясь вырваться, царапала ее ногтями. Я слышала, как на пол сыплются щепки, и молилась, чтобы группа быстрого реагирования оправдала свое название.

Для нас все обошлось. Сотрудники В.А.М.П.И.Р. прибыли через пять минут, впрочем, показавшиеся мне вечностью. Маму вырубил и унес, тело папы отправили в морг, а нас с Джу забрали в интеллектуально-аналитический центр. Там нас по отдельности поместили в карантинные боксы. Неделю я ничего не знаю о том, что творится за пределами этой маленькой комнатухи, неделю я не видела Джу.

Первые несколько дней меня почти все время держали на успокоительных, потому что, как только я приходила в себя и вспоминала, что произошло, то начинала рыдать, кричать и барабанить в дверь. Затем меня осмотрел врач и сказал, что мое сердце может не выдержать таких доз седативных препаратов, но, если я не смогу успокоиться сама, они продолжат мне их колоть. Намек был предельно ясен.

И я впала в оцепенение. Я спала, все время спала, просыпаясь только во время кормежки. Я больше не швырялась посудой и приборами (серебряными, естественно). Я больше не кричала. Я больше не ломилась в дверь. Я только спала. Но так дальше не может продолжаться.

Мое детство кончилось. И я совершенно не знаю, что меня ждет.

— Я не представляю, как ты с этим жила, — голос Джу разорвал воцарившуюся в комнате тишину.

— Я и не жила, — покачала головой я. — В те дни я просто существовала.

Карантин

01.02.2021

Уже большие месяца я нахожусь в этом аналитическом центре. Мне сложно было вернуться к ведению дневника, потому что эта последняя запись убивает меня просто одним своим существованием. Но здесь больше нечем заняться, поэтому я перелистнула несколько страниц, чтобы не видеть этого, не переживать раз за разом. Я бы, может, и вырвала бы эту часть дневника, но боюсь забыть. Знаю, что не смогу, но боюсь.

За это время я два раза видела Джу, если можно так сказать. В первый раз я под конвоем возвращалась от врача (они все время проверяют, не стала ли я тоже вампиром) и увидела, как в конце коридора мелькнул знакомый рыжий хвост. Но он тут же скрылся за поворотом, и я до сих пор до конца не понимаю, была это она или просто обман зрения.

Но вчера мы с Джу практически столкнулись в кабинете, куда меня привели на очередной допрос (иначе я никак не могу это назвать), а ее как раз выводили оттуда. Я сначала не поверила своим глазам, а потом так обрадовалась, когда поняла, что на этот раз это точно она. Мы рванулись друг к другу, но сопровождающие сотрудники центра перехватили нас, не удалось даже кончиками пальцев соприкоснуться-

ся. Маленькую Джэу просто перехватили поперек живота и подняли, брыкающуюся, в воздух, а меня прижали к стене, заломив руку. Мы все равно устроили такой шум, что из кабинета вышел сам главный допрашивающий, генерал Джекс. Рывкнув: “Тихо!”, он до боли вцепился в мое плечо (остались синяки) и втолкнул в комнату. Вырывающуюся и вопящую Джэу потащили прочь. Дверь кабинета захлопнулась.

Допросы всегда были одинаковые. Имя, возраст, адрес, как звали родителей, где они работали, есть ли у меня еще родственники, в каком классе я учусь, какая у меня группа крови, что я чувствую сейчас, как нам с Джэу удалось выжить, еще какие-то глупые ничего не значащие для меня вопросы. Обычно я сидела безвольной куклой, не способная больше чувствовать или переживать из-за каких-то назойливых расспросов, и механично на все отвечала, надеясь, что меня просто отпустят, я вернусь в бокс и снова постараюсь не вспоминать Рождество, но в тот день во мне словно рванула какая-то сжатая пружина. Я подняла голову и уставилась прямо в глаза генералу, когда он спросил:

— Почему твоя мать стала кровососущим чудовищем?

— А это Вы мне ответьте! — вдруг рывкнула я. — Почему моя мать стала кровососущим чудовищем?

Генерал, не мигая, смотрел на меня, и неожиданно я сама нашла ответ. Он пришел так легко и просто, как будто последний пазл с небольшим щелчком встал на свое место.

— Вы не знаете, — пораженно прошептала я. — Поэто-

му по факту ставите опыты на простых людях, чтобы отследить, кто заболевает, а кто нет. Такая своеобразная фокус-группа. А обычные, не смоделированные условия дают лучший результат, чем если бы вы пытались заразить добровольцев.

— Впечатлен, мисс Фрейз. Действительно неплохо, — хмыкнул генерал Джекс и медленно, напоказ, заглянул в мое личное дело, которое, наверное, к этому времени выучил уже наизусть. — Вы и правда умны, школьная характеристика не приукрасила ваши способности. Мистер Россман также весьма положительно о вас отзывался. Даже жаль, что вам еще нет шестнадцати.

— Я не гожусь в охотники, — быстро сказала я. — Я никогда не рассматривала для себя такое будущее. И никогда не рассмотрю.

— Жаль, мисс Фрейз, очень жаль. У Вас явно есть к этому способности — как аналитические, так и Вы очень ловко управлялись с мисс Смит с диким вампиром. Ну, раз завербовать Вас мне не удастся, то давайте просто поболтаем. Не откажете в такой малости?

— Видимо, не откажу? — настороженно ответила я, и интонация получилось несколько вопросительной.

— Мисс Фрейз, я не должен предоставлять вам никакую информацию, но вы как-то необычайно мне симпатичны, плюс мне интересны Ваши рассуждения, поэтому немного отступлю от своих правил, — генерал побарабанил пальца-

ми по столу. — Вы знаете, сколько времени нужно для того, чтобы заболевшие превратились в кровососущих монстров?

— Я полагаю, что это зависит от группы крови?

Генерал отрицательно покачал головой:

— Мы до сих пор не смогли вычислить наверняка, какие факторы влияют на этот процесс. Все, что нам удалось установить — вампирами становятся не менее, чем через две недели и не более, чем через шесть. Мать что-то рассказывала Вам о скажем так, новых особенностях работы больниц?

Я ненадолго умолкла, прокручивая в голове все разговоры — и то, что мама рассказывала мне, и то, что было не предназначено моим ушам, но я все равно умудрилась услышать.

— Мама говорила, что больных выписывают через десять дней. Кто-то успевает выздороветь, у кого-то еще остаются симптомы, и она возмущалась, что, несмотря ни на что, главврач запретил превышать этот срок, мотивируя тем, что больницы переполнены и надо куда-то класть новых пациентов. Выписанных раз в несколько дней проверяют медицинские бригады, мама, правда, в такую не входит не входила. Соответственно, если человек становится вампиром, то это происходит уже после выписки, — разговор неожиданно целиком захватил меня. Я буквально ощущала, как в моей голове скрипят шестеренки. — Но почему нельзя изолировать заболевших до момента их превращения или не-

превращения? Они же возвращаются домой, в свои семьи, к своим родным. Кому-то везет, а кто-то наверняка так же сжирает свою семью как мама, — я очень старалась, чтобы мой голос не дрожал.

— Да, мы не изолируем людей, — соглашается генерал. — У нас действительно не хватает мест в клиниках, равно как мы не можем себе позволить запереть всех в клетках без подтверждения обращения. Однако мы присматриваем за всеми выписанными. Я не буду скрывать, людей все еще не хватает, и бывают осечки, но без этого было бы намного хуже.

— Наша семья вошла в состав осечек, насколько я понимаю? — несмотря на душившую меня боль, мой голос был ровным, а глаза — сухими.

Генерал стал серьезным:

— За вашей матерью не наблюдали. Как думаете, почему?

Я поймала уже готовый сорваться с губ грубый ответ, потому что меня вдруг накрыло волной осознания.

У мамы не было симптомов заболевшей. Как и у Эндрю Томаса.

Это значит, что либо болезнь могла изначально протекать бессимптомно, либо вирус мутирует. Все это я озвучила генералу и заметила, что он доволен моими умозаключениями.

— Наши ученые как раз пытаются сейчас разобраться,

— кивнул он. — Как бы цинично ни звучало, но смерть вашей мамы может очень послужить на благо общества.

Я просто молча отвернулась, сильно впиваясь ногтями в ладони, я так хорошо держалась весь разговор, только бы сейчас не расплакаться. Попытался ли генерал Джекс подбодрить меня последней фразой или просто бросил ее формальности ради, но на душе сделалось только гадже.

Уже уходя из кабинета, я обернулась к нему:

— А Эндрю?.. Его смерть тоже послужит на благо общества?

— Я бы сказал, это сделает остаток его жизни.

И в глазах генерала Джекса я не увидела ничего, кроме уверенности в своей правоте.

— Остаток его жизни, — медленно повторила я. — Я тогда не поняла, что он имел в виду. Думала, просто очередная циничная фраза. А потом я узнала, что Эндрю еще год после задержания сидел в подвале школы. И когда он окончательно свихнулся от голода и одиночества...

Я замолчала.

— Не сейчас, — тихо сказала Джу. — Не нужно.

05.02.2021

Наверно, меня можно поздравить. Прошло шесть недель с того момента, как я здесь оказалась. Даже несмотря на отрицательный резус-фактор меня продержали в каранти-

не полноценный срок. Перестраховывались после инцидента с мамой. Все это время за мной наблюдали, у меня взяли на всякие пробы кучу крови, слюны, мне запихивали в нос и рот разные инструменты, на меня светили лампами и фонариками, даже мои испражнения изучили вдоль и поперек. Но сегодня этому пришел конец. Мой карантин завершен, я не превратилась в чудовище и никого не съем. Я безопасна для окружающих, и меня можно смело выпускать в мир людей.

Только что мне там делать, я не знаю. С одной стороны мне, конечно, было здесь страшно, да и сейчас все еще неуютно. Но в конце концов четкое расписание помогло хоть как-то упорядочить жизнь. Да, здесь, в боксе, где ничего нет, кроме прикрученных к полу кровати, стула и стола, я могла только думать днями, а иногда и ночами напролет, я перебирала все счастливые воспоминания, пока не закрутила их в своей голове до тошноты. Я почти начала сходить с ума от бездействия. А потом увидела на столе у генерала Джекса “Сто лет одиночества” Маркеса и выпросила у него эту книгу. Не знаю, как после этого я не свихнулась еще больше, если честно, но даже перечитывание романа по кругу скрасило мои дни (сцену с ребенком и муравьями я пропускала).

Я мечтала, как выйду отсюда, как вернусь домой. А потом вдруг поняла, что мне некуда возвращаться. Ну, вернее, сам дом-то стоит, наверняка цел и невредим. Тетя Энн, я думаю, привела его в порядок. Хотя, возможно, она уехала

домой. Джу, может, уже тоже дома, я ее больше не видела. Я вообще не понимаю, зачем ее держали здесь, ведь у нее четвертая отрицательная группа, с такой точно не заражаются. А откуда я, собственно, знаю, что она была здесь все время? Возможно, она была дома все это время, и ее просто вызывали на допросы: она же нормальная, не то, что, видимо, я — бомба замедленного действия. Сейчас я не заразилась, но, полагаю, это может случиться в любой момент, потому что вирус, вероятно, мутирует. И я точно так же стану монстром, как мама, тоже кого-нибудь съем, и меня, наверно, пристрелят, как бешеную собаку.

Боже, я только сейчас осознала, что пропустила похороны родителей. А были ли вообще похороны? Или маму просто покромсали ученые, пытаясь выяснить, когда и как происходит заражение. А папу тихо закопали или вообще сожгли, и все, и нет никаких следов.

Да нет, такого не могло быть. Они же люди, а с людьми никто так бесчеловечно не поступает. Я уверена, у них были достойные похороны.

Никто не поступает с людьми бесчеловечно? А эти опыты генерала Джекса? Они просто поместили людей в большую банку и наблюдали, кто выживет. Пострадали обычные невинные люди, чудесные люди, замечательные. Маму и папу все любили, они не заслужили такого. Почему они мертвы? Почему именно они?! Это нечестно, нечестно, нечестно!

Я сжала зубами уголок подушки — так сильно, что, казалось, зубы сейчас просто раскрошатся от напряжения, потому что иначе я рисковала скатиться в безобразную истерику. Но сегодня нельзя. Я совершенно не хотела, чтобы мне укололи успокоительное и домой привезли в состоянии овоща. Или задержали здесь еще на несколько дней, я больше не могу в этих стенах, я схожу с ума, я хочу домой

Отчаяннее всего я мечтала, чтобы все было как раньше. Чтобы в гостиной горела лампа под абажуром, приглушенно бормотал телевизор, папа читал газету, а мама штопала мой очередной носок, который постоянно рвется на большом пальце, но который с такими прикольными нарисованными динозаврами, что мне жалко его выкидывать, но стыдно в нем ходить, поэтому я ношу его только дома.

И чтобы я снова могла канючить и упрашивать подарить мне собаку, потому что я уже взрослая, я буду сама за ней ухаживать, я буду с ней гулять по утрам и обязательно мыть лапы после прогулки.

Хорошо, что мы не завели собаку. У тети Энн аллергия на собак, она не смогла бы с ней жить.

Или мама бы ее тоже съела.

Против воли из глаз все-таки потекли слезы, и я зло смахнула их. Мне страшно, мне так страшно ехать домой. А если там на полу все еще папина кровь, уже намертво въевшаяся в паркет? А как мне смотреть на дверь кладовой, в которой мы заперли маму? Как вообще теперь там можно

жить?

Мои метания прервал мой привычный конвоир. За шесть недель я не удосужилась даже спросить, как его зовут, хотя он часто был рядом: сопровождал на исследования и допросы, приносил еду, иногда даже разговаривал со мной из разряда: сегодня хорошая погода, льет дождь, ночью обещают шторм, попросить тебе дополнительное одеяло? То ли заботился, то ли пытался разговорить и что-то выведать. Хотя что у меня можно выведать

Конвоир проводил меня в кабинет генерала Джекса. Прощальный допрос, видимо.

Генерал встретил меня с непривычно теплой улыбкой. Видимо, будет пытаться завербовать меня, раз уж я здорова. Но я не поддамся. Я никогда не стану охотницей.

В этот последний визит я чувствовала себя особенно раскрепощенно, видимо, решив, что мне больше нечего терять. Может, если я буду вести себя более дерзко, генерал решит, что я не стою его внимания. Поэтому я с ногами забралась на диван в кабинете, хотя раньше всегда усаживалась на краешек стула, и стала безразлично смотреть в окно. Там валил снег. Такими же хлопьями, как в то чертово Рождество. С ненавистью рассматривая окно, я пропустила мимо ушей почти все, что говорит генерал, но внезапно заметила, что в комнате повисла тишина после какой-то его фразы.

— Что? — переспросила я, переводя взгляд на военного.

— Я говорю, мисс Фрейз, был рад знакомству с вами, —

терпеливо повторил он. — Офицер проводит вас в ваш бокс, где вы сможете переодеться в ваши вещи.

— Я свободна? — уточнила я.

— Не смею вас задерживать, только если сами не хотите остаться.

Ну уж нет. Ни за какие коврижки я не готова пробыть здесь даже секундой дольше положенного. Вихрем я слетела с кресла и устремилась из комнаты, не утруждая себя прощаниями с генералом. Впрочем, я практически чувствовала, как он сверлил взглядом мою спину, пока за мной не закрылась дверь.

В боксе я наткнулась на Джу и просто не поверила своим глазам. На ней — форма охотника. Пока я страдала, Джу жила себе спокойно в свое удовольствие.

Она сделала шаг ко мне, а я — от нее. Джу замерла.

— Эл, я — Джу застыла рядом так же, как и пять лет назад. — Прости. У меня не было другого выхода, — но я взмахом руки остановила ее и продолжила читать безобразнейшую и нелепую истерику, которую тогда закатила сестре.

— Ты — в горло словно напихали наждачной бумаги. — Ты теперь с ними? А как же я?.. — я почувствовала, как ярость зародилась где-то в животе и волной понеслась по моему телу, снося все на своем пути.

— Ты! — заорала я, с грохотом захлопывая дверь. — Ты

меня предала!

— О чем ты вообще? — недоуменно переспросила Джсу, в то время как я налетела на нее практически с кулаками.

— Как ты могла? Просто как! Ты! Могла!

— Эл, да в чем дело?! — Джсу не выдержала и начала орать в ответ.

— Как ты могла меня бросить?! — я схватила ее за воротник, мечтая встряхнуть посильнее, чтобы она ощутила всю мою боль. — Почему?!

Джсу окаменела. Я видела, что она никак не может подобрать слова, и на долю секунды я даже пожалела ее. Однако потом я снова вспомнила, что шесть недель на мне ставили опыты, как на кролике, пока она исполняла свою мечту. Пусть ей тоже будет плохо.

Мы замерли друг напротив друга, меня внутри распирало от гнева, даже воздух, кажется, был наэлектризован.

— Пока я столько времени сходила с ума в этом чертовом изоляторе, пока меня таскали на исследования, пока я ничего не знала о тебе, ты тут спокойно щеголяла в этой красивой форме, да? Тебе было все равно, что со мной, где я, как я, твоя мечта-то исполнилась, я же знаю, ты хотела вступить в отряд, ну так поздравляю! — по моим щекам текли злые слезы, но мне было наплевать.

— Эл, я не — Джсу попыталась что-то объяснить, протягивая руки в примирительном жесте, словно перед диким зверьком. — Это Это просто эмоции в тебе говорят, боль

потери, ты не можешь сейчас воспринимать адекватно — она запнулась, осознав, что ее слова прозвучали совсем не так, как хотелось бы. Ну да. Психическая. Я психическая. Я нестабильна, несмотря на отсутствие вируса в моей крови, просто поехала мозгами. Наверно, это действительно так, потому что мне хотелось орать на свою сестру, потому что я никак не могла побороть эти вспышки ярости, которые неожиданно захлестывали меня с головой так, что я с трудом удерживалась на ногах.

— Я не это имела в виду, — тихо произнесла она. — Я хотела сказать, что то, что произошло — это ужасно, это страшно, это несправедливо, и так не должно было произойти. И я очень за тебя переживала. Но

— Но ты стоишь тут в этой форме, — перебила ее я. — И даже не понимаешь, что — “что ты просто от меня отказалась, что они заберут тебя, а у меня никого не осталось ближе, и как я вообще без тебя выживу?”, хотела сказать я, но горло сдавило спазмом рыданий, и я ничего не могла произнести.

— Я могла поступить только так, — Джусу бессильно опустила руки.

— Почему?

Она отвела глаза:

— Я не могу тебе сказать. Хотела бы, но не могу.

— Они заставили тебя? Угрожали? — но Джусу упрямо поджала губы и покачала головой.

— Мы же всегда рассказывали друг другу секреты, ты же знаешь, что я никогда, никому, — мой голос упал до шепота. И если еще пять секунд назад я злилась, то сейчас я до боли внутри хотела, чтобы она открылась, чтобы понимать, что это все еще моя Джу, которая делила со мной свои тайны: и первый поцелуй, и поцарапанную машину тети Энн, и сожженный на нашем заднем дворе дневник с единственной плохой отметкой, и той — за поведение. Но она молчала. Ее молчание — как очередной виток предательства. Она больше в меня не верила. Она больше мне не верила. Ведь я не могла сейчас воспринимать все адекватно.

Я замерла на месте, опустошенная, и у меня не было сил даже плакать.

На стуле заметила пакет с моими вещами и теплый пуховик.

— Выйди, пожалуйста. — выталкивая слова из глотки, произнесла я осипшим голосом. В горле застрял тугой комок обиды и разочарования, но в ком, в себе или в ней, я так до конца и не смогла понять.

— Я тебя одну не оставляю, — вскинула голову Джу. — Я поеду с тобой.

Мне было уже все равно. Я просто кивала головой, как сломанный китайский болванчик.

— Выйди, пожалуйста, — повторила. — Мне нужно переодеться. Я все равно никуда отсюда не денусь, на окнах прочные решетки. Я проверяла.

Джу посмотрела на меня так, будто хотела что-то сказать, но потом сдалась и вышла. Я натянула джинсы и свитер. Это не те же, в которых меня привезли в центр, на тех были пятна крови и, думаю, их просто сожгли. Значит, кто-то ездил ко мне домой и оттуда привез эти вещи. Может, даже Джу. От этой мысли мне стало чуточку легче — не кто-то чужой рылся в шкафу.

Я обхватила голову руками. Запуталась, так запуталась, не понимаю, кто друг, кто враг. Надеюсь, время расставит все по своим местам.

Конвоир проводил нас к выходу. Глаза слепило от снега вокруг, а легкие обжег непривычно холодный воздух. Свобода, наконец-то свобода.

В комнате повисает тишина. Я помнила, как тогда злилась и обижалась, но потом это все стало таким пустым и ненужным. И далеким. Мы с Джу прошли за это время столько дерьма, что наша с ней родственная связь стала практически нерушимой.

И снова все изменилось

Следующая запись наполнена еще большим отчаянием и злобой на несправедливость, которая тогда казалась мне просто вселенской.

03.02.2021

Я снова в этом чертовом аналитическом центре! Только теперь я знаю, что меня отсюда не выпустят через шесть недель, потому что карантин мне больше не светит.

Два дня назад в машине, которая отвезла меня домой, еще сидела Джу. Я не хотела разговаривать с ней, она со мной, поэтому всю дорогу мы просидели, насупившись и уставившись каждая в свое окно.

А потом нам пришлось снова стать заодно. Потому что в нашем доме обосновался дикий вампир. И я не буду писать об этом, потому что я устала, я так устала от несправедливости этого мира, от того, что на меня свалилось, от того, что мне еще предстоит. И с одной стороны мне хочется орать и крушить мебель, а с другой - просто опустить руки. Меня лишили семьи. Меня лишили моей привычной жизни. И мне даже не дали выбора.

Когда мы справились с кровососом и мне снова пришлось звонить в этот idiotский В.А.М.П.И.Р., я не знала, к чему это приведет. Если бы я хоть на секунду заподозрила, то

самолично бы закопала эту тварь на заднем дворе и взяла бы с Джусу клятву молчать о произошедшем. Но, как законопослушная девочка, я, конечно же, сразу сообщила, куда надо.

Примчался отряд быстрого реагирования. Приехал лично генерал Джекс. Посадил нас в свою роскошную машину (наверняка бронированную) и повез обратно той же дорогой, которой мы приехали меньше получаса назад. У меня была вывихнута рука и, по ощущениям, куча ссадин (надеюсь, что без переломов), а еще синяк на половину тела, которой я влетела в шкаф, у Джусу от левой ключицы вниз шли рваные следы от когтистой пятерни. Генерал пообещал, что нас подлатают, и все будет в порядке. У него оказалось своеобразное представление об этом порядке.

Мне, можно сказать, официально предложили стать охотником.

И всем вдруг оказалось плевать, что мне еще нет 16. Генерал сказал, что руководство готово простить мне эти оставшиеся три месяца до дня рождения, потому что редко видят такой слаженный тандем неопытных охотников — это про меня, про меня и Джусу!

Я, конечно, сразу отказалась. Не хочу иметь ничего общего с этим местом, ничего общего с этими людьми. Джусу пусть делает все, что захочет.

Генерал дал мне сутки переварить все произошедшее. Когда он на следующий день пригласил меня в кабинет и повто-

рил свое предложение, я снова отказалась. Генерал вздохнул и сказал, что он, конечно, хотел, чтобы это все было добровольно, но на самом деле у меня просто нет выбора. После смерти родителей я не могу жить одна, поскольку еще не совершеннолетняя. Мой так называемый неизвестный опекун подписал за меня контракт с центром. Поэтому официально со дня 16-летия я считаюсь зачисленной в школу охотников, но по факту я приступаю к занятиям, как только пройдут мои травмы от стычки.

Обследование показало, что, помимо вывихнутой руки, у меня трещина в одной кости и несколько сильных ушибов. Меня поместили в прежний бокс и усиленно лечат.

Генерал Джекс отказался называть имя опекуна, но я уверена, что это тетя Энн, больше никому, других родственников у меня нет. Я не понимаю, почему она так поступила. Мне всегда казалось, что она любит меня, что у нас очень хорошие отношения. А по факту она просто вышвырнула меня, как котенка на помойку. Меня просто разрывает от злости. Это несправедливо, несправедливо, несправедливо!!!

Из дневника выпал сложенный в несколько раз лист — не из той же бумаги, как страницы тетради, но тоже слегка потрепанный по краям. Я подняла его и развернула. Это был не мой почерк.

— Что это? — спросила я.

— Это отчет о том самом событии, которое окончательно перевернуло твою жизнь, — бесцветно сказала Джу. — Я писала его по приказу генерала и одновременно пыталась хоть немного остаться собой. Это единственное, что мне тогда было доступно.

01.02.2021

Отчет о происшествии по адресу : Тенистая аллея, д.27

Для кого : генерал А. Джекс

От ког о: охотник-стажер Д. Смит

Согласно вашему распоряжению, я, стажер Д. Смит, сопровождала Э. Фрейз к месту ее постоянного проживания после завершения карантина. Предполагалось, что перед приездом двух несовершеннолетних девочек профессиональные сотрудники В.А.М.П.И.Р. уже осмотрели дом в целях проверки безопасности.

Дверь была заперта, окна целы, ничего подозрительного не наблюдалось. Э. Фрейз открыла дверь дома своим ключом, и мы вошли внутрь.

Мы сразу поднялись на второй этаж, где Э. Фрейз, заглянув в спальню, обнаружила дикого вампира. *Какое удивительное, блин, совпадение!* Противник предположительно устроил там логово на неопределенный срок. Заметив Э. Фрейз, он незамедлительно совершил нападение.

Вампир атаковал Э. Фрейз, повалив ее на пол и пытаясь добраться до шеи. Я, находясь в непосредственной близости,

сти, была вынуждена принять экстренные меры для нейтрализации угрозы. Поскольку ситуация развивалась стремительно, я использовала первый попавшийся под руку предмет — напольный торшер и хорошо приложила этого урода. Хотела бы я так же приложить того идиота, который не проверил дом перед нашим визитом. Удар пришелся противнику в область головы и плеча, что позволило ему ослабить хватку и дало Э. Фрейз возможность высвободиться.

Э. Фрейз, действуя в соответствии с инстинктами самосохранения и навыками, полученными на школьных тренировках, использовала прикроватную лампу для нанесения удара по лицу противника. Это временно дезориентировало вампира.

Воспользовавшись замешательством противника, я применила штатный серебряный кол размера S, нанеся удар в область грудной клетки. Кстати, вы даже не удосужились проверить, не отключили ли в доме электричество — а его отключили, и там было темно, хоть глаз выколи! Однако, судя по тому, что вампир завопил от боли, я попала в нужное место.

Э. Фрейз, проявив недюжинную смекалку, обрушила на противника тяжелый книжный шкаф, что полностью обездвигило вампира и лишило его возможности сопротивляться.

Обездвиженный противник был заблокирован в спальне путем закрытия двери.

В результате столкновения Э. Фрейз получила вывих плечевого сустава правой руки, предположительную трещину в пятом ребре (посчитала на глаз, уж как смогла в текущих обстоятельствах) и множественные ушибы мягких тканей. Мною получены рваные раны в области грудной клетки и левой ключицы, нанесенные когтями противника в процессе боя. Во время ожидания отряда участниками столкновения была оказана друг другу первая медицинская помощь: промыты мои рваные раны и наложена стерильная повязка, приложен лед и зафиксирована рука Э. Фрейз.

В ходе боевого столкновения были повреждены следующие предметы интерьера, использованные в качестве подручных средств обороны: книжный шкаф (не подлежит восстановлению), напольный торшер (не подлежит восстановлению), прикроватная лампа (не подлежит восстановлению). Прошу возместить Э. Фрейз стоимость указанного имущества, поскольку его применение было продиктовано необходимостью сохранения жизни и здоровья сотрудника (хоть и будущего) при выполнении служебных обязанностей.

Стажер Д. Смит

— Ты правда попросила возместить мне стоимость уничтоженных вещей? — вдруг расхохоталась я.

— Угу. Генерала Джекса аж перекосило, когда он читал мой отчет, — ухмыльнулась она.

Я смеялась и смеялась — так выходило напряжение сего-

дняшнего утра. Вскоре ко мне присоединилась и Джу. Наконец, утирая выступившие на глазах от нервного хохота слезы, я вернулась к записям.

18.04.2021

Уже несколько недель я посещала занятия по подготовке охотников. И это, мягко говоря, выматывало.

В группе нас было восемь человек. Мы с Джу — самые младшие, в то время как самому взрослому — целых 32 года. Я сначала пыталась возмущаться, мол, как так, но инструктор быстро меня осадил: «Вампир не спросит, сколько тебе лет, прежде чем разорвать. И уж тем более не скажет: иди отсюда, деточка, я старше тебя». Логично.

Расписание — жесть. Подъем в шесть утра, зарядка, потом завтрак — и дальше сплошным потоком: логика, борьба, аналитика, стрельба, холодное оружие, первая помощь, психология, тактика. Каждый день было что-то новое, и объем был такой, что к вечеру мозг кипел. Еще и обычные предметы никто не отменял: история, математика, языки — все на уровне, будто мы с Джу не малолетние охотники, а готовимся к выпускным экзаменам в универе.

После обеда, правда, иногда бывало окно в пару часов, но обычно я его тратила на домашку или на то, чтобы просто поспать. Джу не уставала смеяться, что я сплю как сурок. А я реально вырубалась, как только голова касалась подушки.

Суббота — полигон и курс выживания. Воскресенье вроде выходной, но я все равно училась или отработывала приемы. Слабость — непозволительная роскошь.

Меня переселили в общую комнату. Здесь 15 кроватей, но занята была только половина. Джу спала наверху, надо мной. Мы снова начали разговаривать — не сразу, но я устала злиться и обижаться. У меня все равно не было выхода из этого центра, а Джу — единственный родной и близкий здесь человек. Я рассказала ей, что ее мать подписала за меня контракт. Джу не поверила:

— Может, это какая-то ошибка? — нахмурилась она. — Ты же знаешь, мама бы так никогда не поступила, она всегда хорошо к тебе относилась.

— Ну а кто еще, если не она? — раздраженно повела я плечом. — У меня больше никого нет, кто мог бы претендовать на опеку. И вообще, давай закроем эту тему, я больше не хочу об этом говорить. Никогда.

Джу хотела что-то сказать, но сдержалась. Только кивнула и отвернулась. Я видела, что ей больно, но не могла заставить себя обсуждать это снова. Слишком свежо, слишком глубоко засела во мне боль от предательства.

А потом на меня навалилась какая-то бесконечная апатия. Я с трудом заставляла себя вставать, есть, ходить на занятия. Ярость, которая держала меня на плаву все это время, куда-то пропала. Джу всячески пыталась меня растормошить. Ей все время казалось, что меня могут от-

числить, если вдруг я начну отставать. Но я в это совершенно не верила.

Генерал Джэкс был в восторге от нашего с ней тандема. Все твердил, что такой слаженности у новичков еще не видел. Мы и правда показывали отличные результаты. У Джэсу физическая подготовка чуть лучше, у меня — логика и аналитика. Вместе мы дополняем друг друга. Инструкторы говорят, что в хорошей паре охотники должны стать единым организмом, чувствовать партнера на уровне инстинктов. У нас это как-то само получается.

По бумагам я еще, конечно, не числюсь в штате охотников, это якобы произойдет только через месяц. Два года займет обучение. И хоть нам каждый день твердили, что вакцину усиленно разрабатывают, мне уже казалось, что это никогда не закончится.

Я, наверно, могла бы совсем опустить руки, но я понимала, что жизнь Джэсу зависела от меня. И я видела, как она отдается на все сто процентов обучению, и не могла ее подвести. Поэтому на днях я обязательно пойду к доктору Бремсу, местному психотерапевту. Джэсу сказала, что у меня скорее всего депрессия.

20.05.2021

Ну все. Вот я официально и стажер.

Поздравлять не нужно.

03.08.2021

Все эти месяцы у меня просто не было сил. А вчера сходила на очередной прием к доктору Бремсу. Его новые уколы — это просто чудо какое-то! Только вечером он выписал их взамен старых таблеток, от которых не было никакого толку, и сделал первую инъекцию, а уже сегодня я почувствовала впервые за последнее время, что хочу жить, хочу дышать, хочу двигаться, хочу разговаривать с окружающими. Как будто тяжёлая каменная глыба наконец перестала давить меня к земле. Как символично, что это произошло именно в понедельник!

В дальнейшем доктор планирует корректировать дозу, опираясь на наблюдения за моим здоровьем и успехами. Он честно предупредил, что в первое время могут быть побочные эффекты и чтобы я обязательно рассказывала, что я чувствую. Все-таки он большой профессионал своего дела!

Сегодня на занятиях по борьбе были спарринги. Моей противницей оказалась двадцатилетняя девушка по имени Джесс. Когда она вышла и стала напротив, ее глаза горели вызовом, а кулаки были плотно сжаты. Тренер дал отмашку, и она бросилась вперед, намереваясь повалить меня. Я уклонилась, Джесс пролетела мимо, а я смогла сцепиться ей в волосы. Девушка зарычала от боли и оттолкнула меня, оставив в моей зажатой руке клочок своих волос.

Заметив ее ошибку — беспечно открытый бок, я резко ударила в печень, Джесс согнулась пополам. Пока она не при-

шла в себя, я схватила ее за капюшон спортивной куртки, с силой натянула его ей на лицо, закрывая глаза, и дернула вниз, одновременно выбрасывая колено вверх. С чавкающим звуком оно влетело в нос девушки. Дезориентированная Джесс неловко взмахнула руками и схватилась за лицо. Я толкнула ее на маты и навалилась на грудную клетку. Джесс захрипела и попыталась вырваться, но я сжала пальцами ее шею. Без шансов. Тренер остановил бой.

Я встала и отряхнула форму. Джесс села, тяжело дыша через рот и стараясь не захлебнуться кровью из носа. В ее глазах я увидела смесь ненависти и уважения. Меня же переполняла эйфория. Воодушевленная, я вернулась в строй. Джу с изумлением повернулась ко мне.

— Что это было, черт возьми? — спросила она меня после занятия.

— Победа, чистейшая победа, — ответила я, расплываясь в улыбке.

— Тебя просто не узнать по сравнению с еще вчерашним вечером. Как будто подменили, — Джу пристально рассматривала мое лицо, словно пытаясь там что-то обнаружить.

— Доктор Бремс изменил мой курс лечения. Я и правда ощущаю себя сегодня словно другой человек. Мне кажется, я стала даже сильнее, но скорее всего это просто влияние хорошего настроения. Ты разве не рада?

— Конечно, я рада, но такие резкие перепады не кажутся

тебе немного ненормальными? — я лишь отмахнулась. Сегодня я не хотела ничем забивать себе голову. Я буквально чувствовала, как моя жизнь налаживается.

На стрельбе я тоже показала отличные результаты. Зрение как будто прояснилось настолько, что я видела мишень так отчетливо, словно она находится на расстоянии вытянутой руки, а не в 10 метрах.

Вспомнила поход в тир с Джсу в прошлом году. Воспоминания больше не причиняли боли, они были словно слегка подернуты туманом. Джсу показала тот же уровень, попала в десятку примерно в половине раз. Я же была в центр раз за разом. Наши так называемые одноклассники заворчали, что я под каким-то допингом. Они просто обзавидовались, что мои результаты намного лучше их.

Нужно было сразу собраться, и чего я так расквасилась в последнее время, не знаю. Наконец я поняла, кто мой настоящий враг — не правительство, не генерал Джекс, не сотрудники центра подготовки, нет.

Гребаные кровососущие твари, вот кто во всем виноват. Монстры, заразившие мою маму и убившие моего папу. Мерзкие вампиры.

Именно им я должна отомстить.

19.12.2021

Я не писала в дневник несколько месяцев. Просто не было времени, да и особого желания, если честно. Но сегодня слу-

чилось то, о чем я должна написать. Чтобы не забывать.

У нас с Джусу было показательное занятие. Открытый урок, как это называют инструкторы. Лучших учеников курса вызывают продемонстрировать свои навыки перед остальными. В нашей группе лучшие — мы с Джусу. Конечно, нас вызвали.

В подвале школы, в специально оборудованной камере, держали «экспонат». Разумного вампира, который сохранял человеческий облик и рассудок — до поры до времени. Нас предупредили: объект опасен, непредсказуем, но именно на таких мы будем охотиться в реальных условиях. Это не человек, это — учебное пособие.

Когда мы вошли в камеру, я увидела его. И у меня внутри все оборвалось.

Это был Эндрю Томас.

Мой одноклассник. тот самый, который напал на меня в школе и которого тогда забрали сотрудники В.А.М.П.И.Р. Я думала, его убили. Или отправили в лабораторию. А он все это время сидел здесь. Внизу, под нашими ногами. В клетке.

Он изменился. Исхудал так, что кожа обтягивала череп. Глаза запали и горели безумным огнем. Но он узнал меня. В первую секунду в его взгляде мелькнуло что-то человеческое — удивление, может, даже какая-то безумная нелепая надежда. А потом голод взял верх.

Он бросился на нас.

Я не помню, как мы это сделали. Тело работало на авто-

мате — все эти месяцы тренировок не прошли даром. Джэу отвлекла его, я зашла со спины. Один удачный мощный удар колом — и все было кончено. Эндрю рухнул на пол и затих.

А я стояла над ним и смотрела. В его лицо, которое когда-то было лицом не монстра, не чудовища, а обычного человека. Которому просто не повезло с группой крови.

Потом были аплодисменты. Инструкторы хвалили нас. Говорили, что мы показали идеальную работу в паре, что нам нет равных. Джэу улыбалась, но я видела, как дрожат ее руки.

А я... я не чувствовала ничего.

Ни радости, ни гордости, ни даже облегчения. Только пустоту. Хотя нет. Было еще кое-что. Странное, холодное удовлетворение от того, что задание выполнено чисто, быстро и профессионально.

Когда мы вышли из камеры, Джэу повернулась ко мне.

— Ты как?

— Нормально, — пожала плечами я. Джэу пристально всмотрелась в мое лицо и убедилась, что я не лгу, я и вправду чувствую себя в порядке вещей. Она всплеснула руками:

— Эл, да что с тобой? Это все эти уколы доктора Бремса, да? Господи, я уже жалею, что настояла, чтобы ты пошла к нему. Но я думала, что он поможет тебе избавиться от депрессии!

— Он и помогает, — отрезала я. — И мне кажется, вполне успешно. Посмотри на меня, я больше не тот запу-

ганный нытик. Я наконец понимаю, чего я хочу. Я стану лучшей и сотру этих тварей с лица земли.

— Я тебя больше не узнаю, — тихо сказала Джус и отвернулась.

Да, я и правда стала другой. Но как я могла не измениться, когда со мной такое произошло? И я думала, что уж кто-кто, а Джус меня поймет. Вместо этого она теперь смотрит на меня с каким-то странным выражением — смесью тревоги и как будто страха.

Доктор Бремс говорит, что эти уколы помогают держать эмоции под контролем. Что это нормально — испытывать меньше привязанности, меньше страха, меньше сомнений. Что так мне не будет равных среди охотников.

И я ему верю.

Сегодня ночью мне приснился Эндрю. Он стоял надо мной и улыбался. Не зло, не хищно, а как раньше, по-человечески.

— Ты тоже станешь монстром, Элеанор, — прошептал он и протянул ко мне руки, с которых капала кровь.

Я проснулась в холодном поту. Но потом вспомнила, что он мертв, а я жива. И снова заснула.

Вот что значит - здраво мыслить.

Врастая в систему

24.12.2021

Сегодня годовщина гибели родителей.

Это моя последняя запись в дневнике. У всех новобранцев на время обучения забирают личные вещи, чтобы ничто не отвлекало их от занятий. Мне и так генерал Джэкс сделал поблажку — сказал, за то большое горе, что я пережила с такой стойкостью.

Думаю, я не буду скучать по этой тетрадке. В ней слишком много того, о чем я хотела бы забыть. И я слишком изменилась.

Сегодня я почему-то вспоминала наши первые занятия в центре. Как сейчас помню день, когда нам впервые выдали холодное оружие. Я тогда была не в лучшей форме и поинтересовалась у инструктора, что будет, если мы поранимся. Он окинул меня холодным взглядом:

— Тогда вам тут не место.

Пару шрамов от ножа у меня таки остались — на память о собственной нерасторопности во время тренировочных боев. Но, признаться честно, такие шрамы есть у всех нас, даже бесконечно ловкой Джэу. Ее, правда, появились после боя с инструктором, а не с одnogруппником.

В самом начале Джэу пыталась протестовать против системы. В первый раз ей вынесли устное предупреждение.

После второго раза ее запихнули на сутки в ледяной карцер без еды. Вернулась она притихшая, молчаливая и с синяком на скуле. Я попыталась ее расспросить, но от одного лишь ответного взгляда мне стало страшно. Джу сказала, что больше она не подвергнет систему сомнению.

Чуть ниже была приписка:

Собранность, концентрация, внимание и холодный ум — вот наши главные качества. Мы — опора этого ставшего таким хрупким мира, его будущее, его надежда на нормальную жизнь. Мы обречены — предназначены спасти всех.

— Юношеский максимализм, — проворчала я, откладывая дневник.

Из него выпал еще один листок — без даты, с оборванными краями, маленький клочок бумаги, исписанный мелким, нервным почерком. В отличие от предыдущего листка написано точно было моей рукой, пусть и очень коряво и явно в спешке.

Я нахмурилась, всматриваясь в строки и пытаюсь вспомнить, что это.

И вдруг поняла. Это было написано после того, как я осознала, что то, что происходило вокруг — не игрушки.

Вчера у Джесс с ее напарником было первое задание. Про-

сто патрулирование одного из районов — самое легкое, что можно придумать для новичков.

В центр вернулся только обезумевший напарник.

Он был весь в крови, чужой и своей, и не мог сказать ни слова — только мычал, судорожно хватался за руки и плечи окружающих и в ужасе озирался. Потом ему вкололи седативное и куда-то увезли на носилках.

Патруль быстрого реагирования выехал на место через три минуты после сигнала. Но они опоздали. Нашли только части тела Джесс. Левую руку. Развороченную грудную клетку. Вырванную гортань. Правую ступню.

Опознали по татуировке — маленькой бабочке на запястье.

Напарник до сих пор в боксе под седативными. Врачи сказали, что он может и не прийти в себя.

Господи, во что же мы ввязались?..

Я аккуратно сложила листок и убрала обратно между страниц. Туда, где он пролежал столько времени.

— Ты помнишь наше первое настоящее задание? — спросила я. — Не учебное, не показательное. А то, после которого я перестала чувствовать что-либо, кроме ненависти.

Джу кивнула. Я увидела, как закаменела ее челюсть, как сжались кулаки — на ладонях наверняка останутся следы от ногтей. В глазах Джу отражалась боль, казалось, так и не утихнувшая с того момента.

— Семья Джонс, — тихо сказала она. — Они жили в доме на окраине. Разведка доложила о том, что они обратились.

— Мы вошли утром, — продолжала вспоминать я. Мой голос звучал ровно, хотя воспоминания были не из приятных. — Думали, что разумные вампиры, как и дикие, ночью охотятся, а днем спят. Застанем врасплох.

— Но они не спали, — глухо добавила Джу. — Мать встретила нас в коридоре. Увидела форму и бросилась сразу, даже не пытаясь что-то сказать. Ни криков, ни упреков, ни объяснений. Только отчаянный прыжок.

— Я убила ее. Как тогда Эндрю: одним ударом в сердце. И отпихнула ногой тело, чтобы не загромождало проход. На шум выскочил отец, я даже не успела среагировать, как ты снесла ему голову, и глазом не моргнув.

— Это была потрясающе чистая работа, — голос Джу звучал почти безэмоционально, но я знала ее слишком хорошо, чтобы понять, что она старательно загнала в себя все чувства. — Инструкторы были опять в полном восторге. Слаженность, скорость, эффективность. И мне бы гордиться, потому что я и правда в самом начале мечтала быть охотником — еще когда все только завертелось. Я думала, что они делают этот мир лучше, чище, спасают людей. И, казалось бы, мы тогда сделали благое правильное дело — уничтожили сразу двух вампиров, чудом не заработав ни единого синяка. И я бы, наверно, и гордилась, если бы на этом все и закончилось, но — Джу осеклась и замолчала.

В комнате повисла тишина, только ветер шуршал за окном.

— Но потом мы слышали плач, — наконец сказала я.

— В гостиной. Звук шел из-за дивана, — Джу невидящим взглядом уставилась в стену. — Я осторожно заглянула и увидела девочку. Маленькую. Лет пяти, может, шести. До сих пор помню: светлые волосы, голубые глаза, лицо залито слезами. Она смотрела на нас и не понимала, что происходит. А потом сказала, что ей страшно, и позвала маму.

Я молчала.

— Мы не знали, заражена ли она, — Джу сглотнула. — По-хорошему ее надо было бы поместить в карантин — по-человечески в смысле. Проверить. Но протокол...

— Протокол предписывал уничтожить всех, кто находился в очаге, — закончила я. — На случай, если заражение произошло, но симптомы еще не проявились.

— И мы уничтожили, — прошептала Джу. — Патологоанатомы сказали потом, что она бы тоже обратилась, но я до сих пор не знаю, правда ли это.

— А я поверила. После этого задания я перестала сомневаться, — сказала я. — Перестала задавать вопросы, перестала жалеть, перестала видеть сны. Просто выполняла приказы и ненавидела вампиров. Так было удобно. Я не говорила тебе, но после той миссии вечером у меня случилась последняя истерика. И я пошла к доктору Бремсу. Вывалила на него все слезы и сопли. Помню, он меня тогда отпаивал горя-

чим чаем и говорил, что хорошо, что это случилось именно сейчас, в самом начале, что я сразу смогла увидеть весь ужас и всю гнилость этих тварей, которые не гнушаются обращать невинных маленьких детей. Заодно он показал мне, как правильно делать себе укол, чтобы я самостоятельно смогла продолжить курс лечения — как раз незадолго до этого он установил нужную дозировку успокоительного. Оказался очень полезный навык.

— И сколько времени ты на них просидела? — с подозрением спросила Джу.

— Все эти годы, вплоть до этой миссии, — призналась я. — И я продолжила бы, но нас так резко сюда перебросили, что я не успела получить новые ампулы. Последний укол я сделала как раз по пути сюда. Но интенсивные дозы были только в начале, потом несколько лет это была только поддерживающая терапия раз в месяц. Я не могла бросить. Я боялась, что без этих уколов снова стану раскисшей девчонкой. А с ними я была идеальным эффективным солдатом.

Джу покачала головой и повернулась ко мне. В ее глазах было что-то новое. Решимость и какая-то обреченность.

— Видимо, мы обе натворили дел, каждая — в своей степени. Я я хранила не только дневник, — сказала она. — Я хочу отдать тебе еще кое-что.

Я нахмурилась, не понимая.

— Все это время, — продолжала Джу, — я думала, что делаю правильно. Что защищаю тебя. Что если ты не узнаешь

правду — тебе будет легче. Но после всего, что случилось сегодня... после того, как мы обе стали... — она запнулась, подбирая слово, — другими, я поняла, что ты имеешь право знать.

Она встала, подошла к своему рюкзаку, валяющемуся в углу комнаты, и достала оттуда тонкую пластиковую папку. Потертую, с замятыми углами — видно, что ее много раз открывали и закрывали.

— Что это? — спросила я.

— Протоколы, — Джу протянула папку мне. — Из аналитического центра.

Я взяла папку, но не открыла. Смотрела на нее, ждала объяснений.

— Они наблюдали за нами, — тихо сказала Джу. — Все время, пока мы были в карантине. Писали отчеты. Анализировали. Придумывали, как сделать из нас идеальных охотников.

— Они же наверняка засекречены, откуда Ты что, стащила их вместе с моим дневником? — я вытаращила на нее глаза.

— Я не могла поступить иначе, — пожалала плечами Джу. — Наверно, я всегда хотела рассказать тебе правду, но сначала боялась, что пострадаете вы с мамой, а потом просто привыкла ее скрывать. Когда мама пропала, я испугалась, что ты тоже меня бросишь, когда все узнаешь.

— Я начинаю нервничать. Ты что, продала душу дьяволу?

— попыталась пошутить я.

— Можно и так сказать, — мрачно отозвалась Джу. — Прочитай. Там не только протоколы, но и мое письмо маме. Я написала его, но в итоге так и не отправила. Сохранила, чтобы всегда помнить о своем поступке.

Я открыла папку. Первый лист — протокол наблюдения. Датированный тем самым днем, когда нас привезли в центр. Когда моя жизнь разлетелась на осколки.

Протокол наблюдения за Элеанор Фрейз от 24.12.2020

Группа крови: B (III) Rh-

Возраст (полных лет): 15

Рост: 173 см

Вес: 60 кг

Особые приметы: небольшой шрам на левом локте

Статус: не определен

Объект наблюдения закатила истерику: швырялась мебелью, пыталась выбить дверь и окно, бросалась на стены, криками сорвала голос. После нескольких часов пришлось вколоть сильнодействующее седативное, погрузившее объект в сон. Приставленный лечащий врач прогнозирует как минимум несколько дней под успокоительными.

В текущем состоянии не имеет смысла вести подробное наблюдение. Контроль за объектом будет продолжен после стабилизации состояния.

Я читала дальше. Страница за страницей. Холодные, бездушные строчки, описывающие меня как подопытное животное. Я — не я, а просто объект. Моя боль, мое отчаяние, мои слезы — все это превращено в сухие отчеты.

...Объектом были сделаны верные выводы, что свидетельствует о способности анализировать ситуацию даже в состоянии замутненного сознания...

...Объекту наблюдения перестали давать седативное...

...Объект внешне выглядит спокойной, не проявляет агрессии...

...Наблюдается некоторая заторможенность движений и повышенная сонливость...

Потом шли протоколы о состоянии и поведении Джу. Их было больше, и по ним я смогла отследить всю борьбу сестры.

Как она отказывалась от еды.

Как требовала адвоката.

Как выцарапала на стене “ГДЕ ЭЛ?”.

Как укусила санитаря.

Как ей насильно вводили питание внутривенно.

Как ей показывали видео со мной.

Как после этого она рыдала и наконец согласилась на сотрудничество.

...Объект непрерывно кричит и ругается. С боем, но уда-

лось обезвредить и обездвижить...

...Объект отказывается разговаривать, игнорирует вопросы, не реагирует на раздражители. Снизили дозу седативного. Предложили сотрудничество: свобода в обмен на хорошее поведение...

...В качестве поощрения и новогоднего подарка принесли объекту видеозапись с ее сестрой. Объект бросилась к экрану, начала рассматривать, проверять дату записи, после чего разрыдалась и согласилась сотрудничать...

...Объект поддается манипуляции...

...Объект наблюдения демонстрирует выдающиеся физические показатели и показатели выше среднего уровня в аналитической сфере, имеет хороший потенциал для дальнейшего развития...

...Объект продолжает сотрудничество. Согласно ее условию каждый день мы предоставляем письменный отчет о ее матери и видеотчет о сестре...

...Продолжаем эксперименты с мотивацией объекта. В случае неповиновения Джунипер получает вместо свежего отчета видеозаписи с первых дней пребывания Элеанор Фрейз, где объект безучастно лежит в кровати, уставившись в потолок. Таким образом мы убеждаем объект, что благосостояние сестры зависит только от ее поведения. Объект проявляет агрессию, швыряется стульями в стены, кричит, расхаживает по комнате, когда полагает, что этого никто не видит, демонстрирует повадки дикого зве-

ря, хотя ежедневные анализы крови продолжают давать отрицательный результат на вирус, но тем не менее продолжает выполнять наши требования. Система контроля эффективности показывает, что текущий метод мотивации является оптимальным. Показатели послушания Джунпер возросли на 35% за последние 14 дней.

Основная цель нашего эксперимента — создать из объекта и ее сестры (при наличии отрицательных анализов на вирус) тандем охотников, значительно превышающий по уровню имеющиеся на данный момент образования. Случившееся происшествие выявило, что Джунпер и Элеанор имеют невероятно высокие способности совместного противодействия кровососущим существам, не обладая при этом никакой профессиональной подготовкой. В случае успеха мы получим один из самых эффективных боевых дуэтов. Текущие оперативные группы, состоящие из минимум шести охотников, показали невысокую результативность. Мы подозреваем, что это может быть связано с распылением внимания на всех участников отряда. В новых формируемых парах необходимо искусственно усилить степень привязанности между членами группы, однако до разумного предела. Чрезмерная преданность напарнику может помешать выполнению боевых задач. Сцепка должна быть слаженной, органичной и интуитивно откалиброванной, чтобы оба охотника дополняли друг друга и чувствовали себя единым организмом. После наблюдения за объектами было выдвинуто

предположение, что близкие родственники или друзья могут стать идеальным решением, будучи более податливыми к контролю.

Как показали наши исследования, параметры обеих кандидаток полностью соответствуют требованиям для службы. Джунипер Смит демонстрирует превосходные физические результаты, в то время как Элеанор Фрейз склонна к более углубленному анализу происходящего. Оба объекта имеют высокую адаптивность к стрессовым ситуациям.

Первостепенной задачей на данном этапе подготовки является обеспечение беспрекословного повиновения Джунипер и поднятие боевого духа Элеанор.

Мы продолжим мониторинг и корректировку программы для достижения максимальных результатов.

Я судорожно втянула воздух. Внутри все кипело — злость, обида, отвращение, разочарование. Я вспомнила свой первый серьезный разговор с генералом Джексом. Уже в тот момент я тоже была для него просто подопытной мышью, несмотря на все его хвалебные слова в мой адрес. Уже тогда он знал, чем все закончится. Господи, какой душой я была! Я ведь стала считать его практически вторым отцом за время обучения. Джекс был так внимателен к нам с Джу, интересовался нашими успехами, периодически беседовал с нами. И после выпуска он прислушивался к нам и даже иногда спрашивал наши мнения по поводу того или иного ново-

введения. “Моя серебряная сталь” — так он с гордостью называл нас с Джу. И я в какой-то момент даже поверила, что в этом, видимо, мое предназначение, что все случилось именно так. А наш тандем с Джу, по сути, селективно вырастили в пробирке В данном случае — удачный эксперимент.

Я нервно сжала один из протоколов в руке, наблюдая, как лист сминается под моими пальцами, как бумагу прорывают удлинившиеся острые ногти. Только это смогло меня отрезать. Я заставила себя разжать кулак и начала глубоко дышать, пока внутри не улеглась звериная ярость, а ногти не втянулись обратно. Только когда в висках окончательно перестало стучать, я вернулась к папке.

Последний лист в ней — сложенный вчетверо тетрадный листок, исписанный знакомым почерком. Почерком Джу. Ее письмо.

Дорогая мама!

Мне наконец разрешили тебе написать. В центре подготовки все строго, следующее письмо мне позволят отправить только в следующем году. Да, такие здесь условия.

Для тебя не должно быть новостью, что я примкнула к охотникам. Мне сказали, что тебе уже сообщили.

Я знаю, ты не хотела для меня такой участи. Но не переживай. Я обещаю, что выживу. Ты же знаешь, я всегда держу свои обещания.

Со мной все в порядке. Питаюсь хорошо. Сплю хорошо.

Скучаю по тебе и немного по нашему дому, но время пролетит быстро, и я вернусь. Вместе с Эл, если она захочет, конечно. Она считает, что ты подписала за нее контракт с центром подготовки. Я не смогла признаться, что на самом деле это была я. Генерал Джеккс сказал, либо мы с ней вместе становимся охотниками, либо она отправляется в детдом. Показал мне фото. Там страшно. Я не могла этого допустить. Но она не поймет. И не простит. Но я что-то придумаю, я все исправлю.

Я боюсь за Эл. Она сама на себя не похожа. Я понимаю, что то, что на нее обрушилось, сложно пережить без последствий, но не знаю, как ей помочь. Я думаю, у нее депрессия. Если завтра она не пойдет к врачу центра, я погоню ее туда мокрым полотенцем.

Я поставила ультиматум генералу Джекксу. Я буду делать все, что мне велят, а у Эл не отберут ее дневник, хоть личные вещи и запрещены. Это единственное, что у нее осталось от прошлой жизни. Я боюсь, что иначе она окончательно сломается.

Я надеюсь, ты простишь меня за все. Ты всегда понимала меня, как никто другой. Я не могу поступить иначе. Особенно после того, что произошло с тетей Джейн и дядей Мэттью.

Твоя Джю.

19.04.2021

Я перечитала письмо дважды. Потом еще раз. Слова прыгали перед глазами.

— Это... — голос сорвался. Я вдохнула и медленно выдохнула, не позволяя красной пелене накрыть меня. — Это ты подписала контракт?

Джу молча кивнула.

Я смотрела на нее и не знала, что сказать. Все эти годы я носила в себе злость на тетю Энн, а она была ни при чем. Это Джу. Джу поступила так со мной.

— Зачем? — только и смогла спросить я.

— Затем, что ты моя сестра, — просто ответила Джу. — Затем, что без тебя я бы не выжила. Затем, что не факт, что без меня бы выжила ты. Да, я была уверена, что делаю лучше для тебя. Но мой поступок не был лишен эгоистичности. Прости. Я знаю, этим словом нельзя искупить весь тот мрак, что мы прошли, но я не знаю, что еще сказать.

Я сглотнула ком в горле. Таким образом Джу пыталась меня спасти — как могла в тот момент. Если бы я узнала об этом пять лет назад, я бы, наверно, не смогла никогда ее простить. Но могу ли я сейчас винить Джу, зная, что я тоже бы сделала все для ее спасения?

— Но почему ты оказалась моим опекуном? — вдруг сообразила я. — Тебе же было всего шестнадцать?

— Я была без пяти минут охотником, — пожала плечами Джу. — Моя кандидатура оказалась выгоднее, чем редактор газеты, периодически пускавший в печать спорные статьи.

И они уже знали, что я соглашусь на все, а маму надо было бы еще уговаривать и запугивать. Они даже какой-то декрет сляпали о том, что в таких ситуациях опекунами первой очереди признаются охотники, если таковые имеются в семье, и только потом учитывались степени родства.

Я немного помолчала. Зверь внутри тоже безмолвствовал. Затем я протянула руку и сжала ладонь сестры. Джу ответила тем же.

— Спасибо, — сказала я. — За все. За то, что сохранила мой дневник. За то, что показала письмо и протоколы. За то, что была рядом все эти годы. Даже сегодня ты осталась со мной, когда я превратилась в чудовище.

Джу посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом.

— Я тоже превратилась, не забывай. Но чудовища — это не ты и не я. Это те, кто пишет такие отчеты и делает из детей убийц. Те, кто ради протокола не остановятся ни перед чем. Те, кто ставят опыты на живых людях. Наша система.

Я молчала. В ее словах была правда. Горькая, страшная, но правда.

— Что теперь? — спросила я.

Джу открыла рот, чтобы ответить, но в этот миг раздался громкий, резкий стук в дверь дома.

Подкрепление

Я замерла, все еще сидя на полу с папкой в руках. Внутри все сжалось в тугую, болезненный узел. Тело мгновенно, помимо воли, перешло в боевую готовность: мышцы напряглись, дыхание замедлилось, я прислушалась. За дверью переступал с ноги на ногу один человек, и поскрипывала половица под весом второго.

Джу посмотрела на меня. В ее глазах за долю секунды промелькнуло все: страх, холодный расчет, решимость. Она сжала мой локоть — крепко, почти до боли.

— Не паникуй, — прошептала она одними губами. — Все нормально. Мы просто устали после вчерашнего.

Я кивнула. Глубоко вдохнула. Выдохнула. Мысленно сосчитала до пяти. Взяла себя в руки. Натянула маску спокойствия, как делала до этого сотни раз.

Джу поднялась и бросила быстрый взгляд по сторонам. Комната выглядела чисто. Ничего подозрительного, обычная штаб-квартира. Над нами тоже не висели неоновые таблички “ВАМПИР!”. Только наши лица были чуть бледноваты, но после вчерашнего боя это можно списать на потерю крови и стресс.

Джу подошла к двери, на секунду замерла, взглядываясь в небольшое окошко видеодомофона, затем распахнула ее, выпуская внутрь холодный воздух и две фигуры, застывшие

на пороге. Пока мы читали дневник, успело стемнеть.

Парень вошел первым. Высокий, широкоплечий, с лицом, которое было красивым, но грубоватой красотой — высокий лоб, обрамленный крупными беспорядочными каштановыми кудрями, тяжелая челюсть, спокойные серые глаза. На вид лет двадцать пять, не больше. Он держался расслабленно, почти лениво, но я сразу заметила, как его взгляд скользнул по комнате, оценивая обстановку, фиксируя каждую деталь. Явно охотник с опытом, и форма на нем сидит как вторая кожа.

— Привет. Джек Уинн, — представился он, кивая сначала Джу, затем мне. Голос низкий, спокойный, немного с хрипотцой. — Восьмой отряд, подразделение “бета”. Нас отправили в качестве подкрепления. Элеанор Фрейз и Джунипер Смит?

— Лучше Джу, — коротко ответила сестра, жестом приглашая их войти. — И Эл. Второй отряд, подразделение “альфа”. Проходите. Мы вас ждали.

За Джеком вошла девушка: примерно моего роста, но сложенная иначе — широкие плечи, узкие бедра, длинные светлые волосы, собранные в высокий хвост, и лицо, которое я бы назвала хищным. Острые скулы, чуть раскосые глаза неопределенного цвета — в темноте они казались то серыми, то почти голубовато-прозрачными. Губы плотно сжаты, брови нахмурены. Она не стала здороваться, просто окинула нас с Джу быстрым, оценивающим взглядом.

— Ви, — бросила она. — Седьмой отряд, “дельта”.

Голос — низкий, безэмоциональный. Мне она не понравилась сразу. Что-то в ее манере держаться, в том, как она смотрела, как стояла, слегка наклонив голову, напоминало мне змею в поисках добычи.

— Добрались без приключений? — спросила Джу, закрывая дверь и делая шаг вглубь дома. — У нас тут вчера было небольшое развлечение. Два диких. Одного уложили, второй скрылся.

— Не ранены? — Джек опустился на стул и вытянул длинные ноги.

— Нас потрепало, — подала голос я, — но не критично.

— Нейтрализованный не был похож на обычного дикого, — сказала Джу. — Он двигался дергано. Как будто не управлял своим телом. И вены под кожей — синие, выпуклые. Я таких раньше не встречала.

Джек и Ви переглянулись.

— У нас были похожие случаи, — после небольшой паузы проговорил Джек, задумчиво постукивая пальцами по бедру. — На севере. Месяц назад. Дикие, которые вели себя странно. Аналитики предполагали, что там может оказаться особь из числа первых зараженных: так называемый старейшина. Очень разумный, очень сильный. Есть предположение, что такие вампиры могут управлять теми, кто обратился значительно позже. Мы зачистили очаг, но никого похожего на старейшину там не обнаружили. Поэтому пока под-

тверждения нет.

— Только старейшин нам не хватало, — пробормотала я.

— А вы работаете в тандеме? — спросила Джу, рисуя рукой в воздухе линию, соединяющую Джека и Ви. — И нам сказали, что подкрепление будет состоять из четырех охотников. А где еще двое? — ее голос прозвучал чуть более небрежно, чем обычно, но уловить эту разницу могла только я. Потому что знала этот тон — Джу задавала вопрос для отвлечения, чтобы не вызывать подозрений. Потому что где как минимум один из охотников мы знали наверняка.

— Стюарт, мой напарник, задерживается, — ответил Джек. — Связался со мной пару часов назад. Сказал, что проколол колесо на трассе, запаска тоже оказалась спущена. Идет пешком. Будет к рассвету примерно.

— Хельга должна была появиться здесь еще до нашего приезда, — нехотя сказала Ви. — Странно, что ее все еще нет.

— Может, тоже задержалась в пути, — предположила я, чувствуя, как внутри все сжимается. Хельга. Теперь я знала, как звали ту девушку. Ту, что лежала на полу в луже крови. Ту, чью жизнь я оборвала. Ту, чье тело мы с Джу расчленили в этом самом доме сегодня утром.

— Хельга — профессионал, — Ви бросила на меня короткий взгляд. — Она всегда предупреждает о задержках. Всегда.

Она достала телефон и набрала номер. Я заметила, как

она сжала трубку, как побелели костяшки ее пальцев. Она волновалась. По-настоящему.

— Если она не появится утром, — сказала Ви, наконец сдаваясь и убирая телефон, — я отправлюсь ее искать.

— Мы поможем, — кивнула Джу, и ее голос был абсолютно спокойным. — Пока что предлагаю отдохнуть. Завтра с утра осмотрим район, проверим переулки у реки. Нас вчера туда очень настойчиво посылали. В одном из них на нас как раз и напали дикие. После схватки мы не успели обследовать их до конца. Возможно, найдем еще что-то интересное.

— Наверху есть свободные спальни, — сообщила я. — Мы с Джу заняли комнату на первом этаже.

Джек кивнул, поднялся, потянулся — медленно, по-кошачьи — и ушел наверх.

— Я остаюсь здесь, — Ви опустилась на стул у окна, вытянув длинные ноги и сложив руки на груди. — Подожду Хельгу.

— Вы давно работаете вместе? — спросила Джу.

— Три года, — ответила она, вглядываясь в темноту за окном. — Хельга... она не просто напарница. Мы прошли через многое вместе. Я ей обязана.

— Она найдется, — хрипло сказала я, чувствуя, как эта ложь практически застревает у меня в глотке. — Я уверена.

Ви не ответила, продолжая упорно смотреть в окно, и разговор угас сам собой.

— Иди, ложись, — кивнула мне Джу. — Завтра рано вста-

вать. А тебе вчера и так крепко досталось.

Я побрела в спальню. Закрыла дверь, прислонилась к стене и зажмурилась. Я стояла в темноте, слыша, как капает вода в раковине на кухне, как дышат люди в других комнатах, как бьются их сердца. Слишком громко. Слишком призывно.

На долю секунды мой самоконтроль дал сбой. Голод, который я особенно усиленно сдерживала с той минуты, как Джек и Ви перешагнули за порог, поднялся снова, на этот раз сильнее, настойчивее. Я почувствовала, как клыки удлинились, как на лице появился оскал. Я крепко обхватила себя руками, впиваясь пальцами в кожу, и закусила губу, чувствуя, как на языке появляется солоноватый привкус крови. Своей. Безвкусной. Не той, что мне нужна. Невероятным усилием я вернула себе контроль.

«Ты справишься, — твердила я мысленно. — Ты сильная. Ты не животное».

Я легла на кровать, не раздеваясь, и уставилась в потолок. Время тянулось бесконечно долго. Я провалилась в какое-то странное, пограничное состояние между сном и явью, где реальность мешалась с воспоминаниями, а воспоминания — с кошмарами.

Мне снилась Джу. Маленькая, со смешными косичками, она сидела на ветке старого клена и кричала мне: «Полезай выше, Эл, не трусь!». И я лезла, хотя каждая клетка тела вопила об опасности, хотя сердце выпрыгивало из груди, а пот-

ные ладошки скользили по стволу дерева. Я лезла, потому что не хотела быть трусихой. Потому что Джу смотрела и улыбалась, и в ее взгляде было столько веры в меня, что я не могла ее подвести.

А потом ветка подо мной сломалась, и я полетела вниз, на землю, приближающуюся с ужасающей быстротой. Я закричала, но из моей груди не вырвалось ни звука. И вдруг с громким всплеском я рухнула в теплое вязкое кровавое море, и, захлебываясь, барахталась в нем, пытаюсь выбраться, пытаюсь доплыть до берега. А на нем стояла Джу — взрослая, с разорванным горлом, и смотрела на меня холодными, безжизненными глазами.

— Ты стала монстром, — сказала она. — Ты убила меня.

Я в ужасе проснулась. Сердце колотилось где-то в горле, меня бросило в ледяной пот, дыхание сбилось. Я села на кровати, схватившись за грудь, и заставила себя дышать — глубоко и медленно. Сон. Это просто сон.

Рассвет был серый, промозглый, с низкими тучами, нависшими над городом, словно тяжелое одеяло. После кошмара я больше не смогла уснуть — просто лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к звукам за пределами комнаты, которые становились все громче по мере того, как мир просыпался.

На соседней кровати заворочалась Джу. Я повернулась и поймала ее взгляд.

— Как ты? — спросила она одними губами.

— Нормально, — ответила я так же тихо. — Держусь.

На кухне кто-то что-то уронил. Я почувствовала, как голод опять шевельнулся где-то в животе. Глубоко вдохнула, задержала дыхание, медленно выдохнула. Стало терпимо.

Вдруг мой обострившийся слух уловил какое-то шуршание в углу, а затем — мелкий частый стук маленького сердца. Меня вышвырнуло из кровати. Секунда — и теплая кровь удивительно жирной крысы, не успевшей даже пискнуть, полилась мне в горло. Не человеческая, но тоже сойдет.

Крысы хватило на несколько больших глотков. Выпустив ее трупик из рук, я в какой-то прострации устала на него.

Господи.

Я сожрала крысу!

Джу за моей спиной тактично кашлянула и пробормотала, что будет ждать на кухне. В отличие от меня, у нее была невероятная выдержка. Либо жажда мучила ее значительно меньше. Нужно будет обязательно это обсудить.

Наскоро сполоснув лицо холодной водой и проверив, чтобы на мне нигде не оказалось и крошечной капли крови, я выбралась из комнаты. На кухне было тесно. Джек стоял у плиты. Ви сидела за столом, подперев голову рукой, и смотрела в окно. Джу уже тоже была здесь и разливала по кружкам кофе.

Я села напротив Ви. Она бросила на меня короткий взгляд, но ничего не сказала.

— Стюарт не появился, — сказал Джек, ставя перед нами тарелки с подгоревшей яичницей. — С ним что-то случилось.

Я посмотрела на него. Парень выглядел встревоженным.

— Он не выходит на связь, — продолжил Джек. — С ночи. Я проехал весь путь по трассе, до того места, где он бросил машину. Тачка на месте, а Стюарта и след простыл.

— А Хельга? — спросила я, взглянув на Ви.

Та отрицательно покачала головой. Под глазами у нее застыли тени.

— Нужно прочесать город, — сказала Джу. — Разделимся. Я и Эл — восточные переулки у реки. Джек, ты и Ви — западные улицы. Встречаемся здесь через три часа. Если кто-то найдет следы — сразу звонит остальным.

Завтрак не полез никому из нас в горло и оставив его нетронутым, мы проверили оружие и покинули штаб-квартиру.

Переулки у реки встретили нас запахом тины и сырости. Старые дома стояли вплотную друг к другу, их стены покрывала плесень, окна были забиты досками.

— Рыбная лавка, — Джу кивнула на покосившуюся вывеску. — Вчера мы вошли сюда. Значит, сейчас нам нужен следующий переулок.

Мы двинулись дальше, осторожно ступая и стараясь не шуметь. Я прислушивалась, выискивая звуки, которые не вписывались в обычный утренний шум.

Но вместо этого я ничего не слышала. Там, в глубине переулка, за очертаниями мусорных баков и ржавых бочек, было слишком тихо. И пахло кровью. Свежей. О нет.

— Эл, — Джу тоже это почувствовала. — За мной.

Мы двинулись вперед, держась стен. Я вытащила пистолет, сняла с предохранителя.

Тело лежало за мусорными баками, изломанное и в луже крови.

Я замедлила шаг. Потом остановилась и прикрыла глаза. Внутри все дрожало. Голод, который я сдерживала утром, вчера, все эти часы, голод, который, конечно, не смогла утолить одна несчастная крыса, прорвался, ударил в голову, заставил пальцы с моментально вытянувшимися ногтями судорожно сжаться, загребая воздух.

Джу оглянулась на меня. Она выглядела такой же, как всегда, в то время как я ощущала, как подрагивает моя верхняя губа и обнажает зубы в тщетной попытке в кого-нибудь вцепиться. Да как она может оставаться такой спокойной?!

— Ты не чувствуешь сводящий с ума голод? — я застыла, стараясь обуздать себя.

— У меня свербит в горле, — тихо ответила Джу. — Но как при ангине, достаточно терпимо. Никаких клыков и никаких когтей. Никакого желания убивать и рвать на части. Видимо, мы были правы насчет того, что четвертая группа с отрицательным резусом сдерживает этот процесс.

Сочувственный взгляд Джу отрезвлял. Я заставила себя

дышать. Медленно, глубоко, как учили. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Мне кажется, теперь я только и делала, что постоянно дышала. Каждый раз я нечеловеческими (иронично, правда?) усилиями заталкивала голод вглубь, и он отступал, затаивался, но не исчезал. Он был частью меня теперь. И я должна была научиться с ним жить.

Наконец я подошла ближе к телу и почувствовала, как теперь к горлу подступает тошнота.

Погибший побывал в явной бойне. Горло разодрано, словно кто-то вгрызался снова и снова, пока плоть не превратилась в кровавое месиво. Грудная клетка вскрыта, ребра сломаны и вывернуты наружу, внутренности выдраны и валяются неподалеку на асфальте. Руки вывернуты под неестественными углами.

Но лицо... лицо сохранилось. Частично. Один глаз был выбит, щека разорвана до кости, но вторую половину лица можно было узнать. Парень, лет двадцати от силы, с тонкими чертами, которые сейчас исказила предсмертная гримаса ужаса.

Джу опустилась на корточки рядом с телом, и я увидела, как побелело ее лицо. И причиной тому была не жажда от запаха крови.

— Это Стюарт, — глухо сказала она

— Ты уверена? — спросила я.

— Абсолютно, — она указала на ремень с пряжкой «S», а потом на лицо мертвеца. — Я узнала его. Мы пересекались

на зачистке пару-тройку лет назад. Ты тогда в лазарете лежала, ребра сломала. Меня отправили в подкрепление. Стюарт тоже был там, еще как стажер.

Она замолчала, глядя на погибшего.

— Он уже тогда был хорошим охотником, — сказала Джу после небольшой паузы. — Спокойным. Надежным. Он... он спас меня. Я тебе не стала говорить, но, если бы не он, то я бы не выбралась из той мясорубки. Нужно сообщить Джеку, — она достала коммуникатор для связи. — Джек, Ви, прием.

— Слушаю, — голос Джека прозвучал спокойно, и я увидела, как пальцы Джу слегка дрогнули.

— Мы нашли Стюарта, — хоть голос Джу был максимально нейтральным, я все равно услышала в нем отголосок боли. — В восточном переулке, за рыбной лавкой.

Тишина. Потом тяжелый, сдавленный выдох.

— Живой? — спросил Джек, хотя уже знал ответ.

— Нет.

— Мы идем.

Мы ждали недолго. Шаги Джека и Ви послышались за несколько секунд до того, как они показались в переулке. Джек шел быстро, Ви — чуть позади, с напряженным, бледным лицом.

Джек остановился, увидев тело. Я смотрела, как меняется его лицо — как каменеют скулы, как стекленеют глаза.

— Стю, — сказал он, и в этом коротком слове было столько всего, что я невольно отвела взгляд.

Джек опустился на корточки рядом с телом, осторожно, почти нежно поправил разорванную одежду настолько это было возможно, закрыл единственный целый глаз погибшему.

Ви цепко осматривала переулок.

— Хельги здесь нет, — сказала я, понимая, о чем она думает.

Ви посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнуло облегчение.

— Будем искать дальше, — сказала она.

— Сначала нужно забрать Стюарта, — Джек поднялся. — Я не оставлю его здесь.

Он наклонился, подхватил тело под плечи и колени, поднимая его с удивительной легкостью. Стюарт был невысоким — наверно, на голову ниже Джека, худым, хотя и мускулистым. Джек держал его, как ребенка, прижимая к груди.

— Пойдемте, — сказал он, и мы двинулись назад к штабквартире.

Там Джек спустился в подвал. Мы последовали за ним. В углу стояла большая морозильная камера — такие используют в мясных лавках для хранения туш. Джек осторожно уложил тело Стюарта внутрь.

— Когда закончим зачистку, я свяжусь с аналитическим центром и его заберут, — сказал он. — Похоронят дома.

— Почему не здесь? — спросила я. — Мы обычно хороним погибших на месте.

Джек повернулся ко мне. В его глазах была такая боль, что я пожалела о своем вопросе.

— Я дал обещание его матери, — сказал он тихо. — Два года назад, когда мы только начинали работать вместе. Она сказала: «Если с моим мальчиком что-то случится, привези его домой. Я не хочу, чтобы он лежал один где-то в безымянной могиле». Я пообещал.

Он закрыл крышку камеры, и в подвале повисла тишина.

В тусклом свете подвальной лампочки его лицо казалось высеченным из камня. Но я видела, как дрогнули его пальцы, когда он убрал руку с холодного металла.

— Пойдемте наверх, — сказал он наконец, и голос его был ровным, чуть хриплым. — Здесь нам больше нечего делать.

Ложь во спасение

Мы поднялись в гостиную. Ви сразу прошла к окну, достала телефон, принялась набирать номер Хельги. Вызов, ожидание, сброс. Вызов, ожидание, сброс. Ее лицо оставалось непроницаемым, но я видела, как нервно пульсирует жилка на ее шее. Это выворачивало меня наизнанку. Я сжала зубы и заставила себя отвернуться.

— Не берет, — сказала Ви. — Не отвечает на гребаные звонки!

— Может, нет связи, — Джу присела на стул. — В этом городе она вообще ни к черту.

— Связь есть, — Ви поднесла телефон к уху еще раз. — Гудки идут. Она просто не берет трубку.

Ви убрала телефон в карман и с силой потерла лицо. Потом села к столу, взяла рабочий планшет, но я видела, что она не смотрит в него, а просто уставилась взглядом в одну точку.

— Я схожу осмотрюсь, — Джек уже снял форму и надевал обычную куртку поверх футболки с логотипом какого-то футбольного клуба. — Побуду туристом, послушаю, о чем люди говорят.

— Желаю удачи, — хмыкнула Джу. — Город маленький, чужаков здесь не любят.

— Что ж, — Джек проверил, не видно ли оружия. — Если

меня примут за обычного путешественника, могут сказать больше, чем охотнику в полном обмундировании.

Он сунул руки в карманы и вышел, закрыв за собой дверь. В доме стало тихо. Слишком тихо.

Ви снова достала телефон. Я слышала гудки в трубке. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Ви нажимает “отбой”.

— Ви, — Джу сочувственно посмотрела на нее, — может, не стоит так часто звонить? Если она не может ответить, ты просто сажаешь ей аккумулятор.

Ви сжала телефон в руке и убрала его в карман.

— Приготовлю обед, — резко поднялась она. — Все равно сидеть без дела.

— Я помогу, — начала вставать Джу, но Ви резко осадил ее взглядом. — Я в состоянии самостоятельно разогреть походный паек, — ледяным тоном заявила она.

Когда все было готово, я подошла к столу и замерла. Утром нам оказалось не до завтрака, и я как-то даже не подумала, что могут возникнуть сложности с обычным приемом пищи. А они были. Рядом с обычными керамическими тарелками лежали столовые приборы, и я видела, как тускло блестит металл.

Серебро.

Мы с Джу переглянулись, усаживаясь. Но деваться было уже некуда.

Я взяла вилку, наколола кусок мяса, поднесла ко рту. Пальцы горели, и я постаралась не задеть зубцы вилки губа-

ми. Вкуса еды я не чувствовала — только едкая боль, которая от пальцев растекалась по руке все выше.

Я попыталась перехватить вилку поудобнее, и металл неудачно скользнул по указательному пальцу. Я не вскрикнула, но палец дернулся сам собой, и я быстро отложила вилку, опуская поврежденную руку на бедро. Но, видимо, недостаточно быстро. Либо мое лицо на секунду таки потеряло маску спокойствия и невозмутимости.

Ви пристально смотрела на меня.

— Что-то случилось? — спросила она, и в ее голосе появилось напряжение.

— Ничего, — я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка выглядела естественно. — Очень горячо, обожгла язык.

— А мне показалось, что руку, — уронила Ви, и тут же в мой лоб практически уткнулся ее пистолет. Второй в ее левой руке оказался направлен на Джу.

— Ви! — Джу вскинула голову и шокировано уставилась на нее. — Ты что творишь?

— Покажи руку, Элеанор, — Ви не отводила от меня взгляда. Ее палец на спусковом крючке не дрожал. — Сейчас же.

Я злилась на себя за такую идиотскую оплошность. — так глупо проколоться! Наверно, вампирской скорости нам с Джу хватило бы, чтобы уйти от пули, но мне все же не хотелось рисковать. Глядя в дуло пистолета, вдруг резко понимаешь, что очень хочешь жить. Поймав взгляд Джу, я еле

заметно отрицательно качнула головой, чтобы она не натворила глупостей. Придется импровизировать и надеяться, что Ви мне поверит.

Я медленно вытащила руку из-под стола и положила на столешницу. Палец все еще горел, красный след металла был виден невооруженным взглядом — тонкая ровная полоска там, где я держала вилку.

Ви хватило лишь секундного взгляда на мой ожог.

— Паршивый кровосос, — прошипела она.

Что ж. Начнем наше представление.

Я лениво усмехнулась.

— Как же мне надоело быть с тобой милой. Знаешь, почему ты все еще в отряде “дельта”, — поинтересовалась я, — и начальство не повышает тебя даже до “гаммы”, не говоря уж про “бету” и “альфу”? Ты слишком импульсивна и не умеешь анализировать. Иначе ты бы поняла, что происходит.

— Что тут непонятного? — рявкнула Ви. — Здесь и так все очевидно: ты кровосос, она тебя покрывает, — она мотнула головой в сторону Джу. Та закатила глаза. Отлично, даже не зная, что я задумала, Джу все равно мне подыгрывала.

— Я — охотник нового поколения, — доверительным шепотом сказала я и холодно оскалилась, глядя Ви прямо в глаза. — Правительство решило, что отрядам нужно усиление. А что может быть сильнее охотника, у которого рефлекс, скорость и чутье вампира, а мысли и сознание — человеческие?

Ви смотрела на меня, не опуская пистолет. Я видела, как она изо всех силится понять, правду ли я говорю.

— Такого не может быть, — сказала она. — В.А.М.П.И.Р. никогда не пойдет на сознательное заражение своих сотрудников.

— В.А.М.П.И.Р. пойдет на все, что принесет благо нашей стране, — отрезала я. — И для этого они готовы и на нестандартные решения.

— Чушь какая, — фыркнула Ви и перевела взгляд на Джу. — А ты, хочешь сказать, так легко приняла, что в паре с тобой будет кровопийца?

— Я не оспариваю решения моего начальства, — сверкнула глазами Джу. — И своей сестры — тоже.

Ви прищурилась. Потом перевела взгляд на меня.

— Вы меня за дуру держите? Ты же легендарная Элеанор Фрейз, — выплюнула она. — Та самая, чьи показатели до сих пор являются для всех примером. Вы с сестрой — единственный тандем, который работает без сбоев уже пять лет. Генерал Джекс называет вас идеальным оружием и чуть ли не молится на свою “серебряную сталь”. Зачем тебе этот эксперимент?

— Вот именно, — усмехнулась я. — Мы идеальны. Все миссии выполнены безупречно. Как думаешь, почему?

Ви замолчала. Ее взгляд перебежал от меня к Джу и обратно.

— Нет, — наконец она отчаянно замотала головой. — Ты

Этого не может быть. Ты хочешь сказать, что ты с самого начала была такой?

— Ну, не с самого начала, но Надо же, ты умнее, чем я думала, — картинно удивилась я.

Вот оно. Сомнение во взгляде Ви. Я смогла нащупать нужную точку. Никто не хочет верить, что кто-то лучше его благодаря стараниям, силе и упорству, а не какому-то чудесному стечению обстоятельств. Ви застряла без повышения, и ее невероятно бесило, что ей приходится работать с так называемыми звездами охотничьего мира. На это я и решила продолжить давить.

— Хельга, кстати, тоже хочет быть идеальной, — как бы невзначай уронила я, рассматривая ногти и делая вид, что не замечаю, как дрогнул пистолет в руке Ви.

— При чем здесь Хельга? — подозрительно уставилась на меня Ви.

— Хельга недавно подписала согласие, — сказала я, и эти слова прозвучали так естественно, что я почти поверила в них сама. — На участие в программе. Сейчас она в безопасном месте под наблюдением проходит через... изменения. Ей нельзя выходить на связь, нельзя отвлекаться от процесса. Когда все закончится, ей сообщат, что делать дальше. И тебе тоже сообщат. Как только она выйдет из карантина.

Ви смотрела на меня, и я чувствовала, как ее взгляд буквально прожигает меня насквозь, ищет ложь, нестыковки, несоответствия. Господи, пусть ее надежда на то, что Хельга

жива, окажется сильнее ее подозрений!

— Почему мне ничего не сказали? — спросила она. — Я — ее напарница. Я имею право знать.

— Ты имеешь право знать только то, что тебе разрешат, — голос Джу прозвучал жестко, почти грубо. — Как и все мы. Хельга подписала соглашение о неразглашении. Она не могла тебе рассказать.

— А ты почему рассказала? — Ви все еще с сомнением смотрит на меня. На самом деле она так пристально уставилась в мою сторону, что Джу уже много раз могла бы выбить оба пистолета. Но я знаю, никто из нас не хотел бы избавляться от еще одного трупа охотницы, поэтому Джу позволила мне попытаться решить эту ситуацию мирным путем, насколько это возможно.

— Да ладно, Ви, — вздохнула я. — У меня, конечно, паршивый характер, но я же вижу, как ты переживаешь за напарницу. Всю ночь сегодня не спала, ведь так? — я дождалась намека на кивок от Ви. — Я знаю, что это такое — когда близкий человек вдруг пропадает без объяснений. Джу была однажды на миссии без меня, и у них накрылась связь. Я места себе не находила и довела всех в аналитическом центре до нервного тика, пока она не вернулась живой и почти невредимой. К тому же, если ты не возьмешь себя в руки, это может помешать нам на этой миссии. Так что, мне даже выгодно, чтобы ты наконец узнала и успокоилась.

— Стоп, — вдруг качнула пистолетом Ви. — А какого

хрена вы тогда пошли вместе со мной искать Хельгу, если прекрасно знали, где она?!

Черт. Мысли в моей голове судорожно заметались, пытаюсь найти хоть что-то, что будет хоть мало-мальски логично звучать.

— А ты хотела, чтобы мы спокойно уселись смотреть телевизор, потому что знали, что как раз таки Хельге ничего не грозит? — в разговор вклинилась Джу. — Или прямо сказали: да не парься, Ви, все путем, твоя напарница скоро вернется с парочкой миленьких клыков? Кроме того, если ты не забыла, мы искали еще и Стюарта.

Ви сузила глаза. Ей крайне не нравилось, что и на это у нас оказался ответ. Нам, конечно, крупно повезло, что по ту сторону пушки не я и не Джу. Будь мы на ее месте, давно бы уже вышибли мозги, и только потом разбирались, что происходит.

— А если я сейчас свяжусь с центром и запрошу подтверждение этой информации? — ледяным тоном спросила Ви.

— Да бога ради, валяй, — махнула я рукой. — Ну побранит меня потом генерал Джекс, но, как ты и сказала, я — легендарная Элеанор Фрейз, а легенды закон не всегда писан. А вот разрешат ли Хельге остаться с тобой потом, ведь ты, по факту, подвергаешь сомнению решение того, кто выше тебя по рангу — я многозначительно покачала головой.

Я видела, как Ви борется с собой — охотничий инстинкт, вбитый во всех нас во время обучения, вопил ей, что я опас-

ность, что я монстр, что меня нужно уничтожить. Но другая часть, та, что ждала Хельгу всю ночь, очень хотела верить в мои слова. Плюс моя слава любимицы Джекса играла не последнюю роль. Все знали, как генерал ненавидит кровососов, но и также знали, что он на все готов, чтобы их истребить. Моя легенда, даже при всей дикости ее звучания, могла вполне вписаться в его методы.

Наконец Ви опустила пистолеты. Не убрала, но опустила.

— Если ты врешь, — ее голос был тихим, но в нем чувствовалась такая сталь, что у меня по спине пробежал холодок, — я найду способ тебя уничтожить. Даже если ты будешь сильнее. Даже если ты будешь быстрее. Я все равно тебя убью.

Она спрятала пистолеты и как ни в чем ни бывало вернулась к обеду.

Буря налетела неожиданно. Ветер ударил в стекла с такой силой, что дом содрогнулся. А следом хлынул ливень, за несколько минут превратив улицу в бурлящую реку. Ощущение стемнело.

Джек вернулся под вечер, промокший до нитки и с пустыми руками. Его вылазка не дала ничего, никаких новых зацепок и следов.

— Ну и погодка, — сказал он, стягивая куртку и развешивая ее сушиться на спинке стула. — А у вас тут как дела?

— Нормально, — ответила Ви, продолжая рассматривать в окно, как ветер гнет деревья до земли. — Ничего нового.

Я не была до конца уверена, что Ви поверила нам. Возможно, она хотела пока понаблюдать, чтобы сделать свои выводы. Или, будем надеяться, я напугала ее перспективой расформирования их с Хельгой отряда. Как бы то ни было, об осторожности все равно нельзя забывать.

— Кстати, я принес нам китайской еды, — Джек протянул пакет Джу. — Разложите пока, пожалуйста, а я быстро переоденусь в сухое.

К еде прилагались, слава богу, одноразовые деревянные палочки. Я находилась в таком напряжении, что даже не чувствовала голода и не хотела вцепиться ни в чье горло. Что, в принципе, меня скорее радовало — несмотря на все сопутствующие нюансы. Мы все равно обязательно найдем выход из ситуации — и не из таких передрыг выбирались с Джу.

Джек спустился, и мы уселись за стол. Первое время тишину нарушал лишь звук жующих челюстей.

— Расскажите о себе, — вдруг попросил Джек, откидываясь на спинку стула. — Мы раньше не работали вместе и толком не знакомы, а здесь нам явно придется провести несколько дней в тесном соседстве. Какие интересные миссии у вас были? У каждого охотника найдется пара-тройка историй. Как раз и вечер скоротаем. Раз уж в такую непогоду все равно нет смысла куда-то идти.

Джу отозвалась первой.

— У нас был случай года полтора назад. Местный священник прятал обратившуюся дочь в подвале церкви. Говорил,

что молится за ее душу и верит, что Господь исцелит ее. И кормил своими прихожанами.

— Жуть, — поморщился Джек.

— Еще какая, — кивнула Джу. — Когда мы нашли подвал, там было несколько трупов и еще один парень при смерти. А девчонка сидела в углу, вся в крови, и рыдала. Она не хотела убивать, но ничего не могла с собой поделывать, голод все затмевал. Когда она нас увидела, то сама попросила как можно быстрее ее убить. Сказала, что больше не хочет быть монстром.

— Я бы тоже не хотела стать монстром, — подала голос Ви. — Ненавижу этих тварей. Четыре года назад я была не охотницей. Я была добычей.

Она сделала паузу, возвращаясь мыслями в прошлое. Обычно бесстрастное лицо девушки дрогнуло, становясь почти человеческим.

— Меня загнали в тупик трое. Разумные и очень голодные. Я тогда работала в обычном полицейском патруле в маленьком городке. До нас еще не дошли серебряные пули и прочие приблуды против вампиров, которыми сейчас снабжают полицию, — Ви коротко усмехнулась. — Вампиры, несмотря на свой голод, не торопились. Они понимали, что мне некуда деваться, и начали играть мной, как кошки глупой перепуганной мышью. Я оступилась, упала в какую-то грязную лужу и поняла, что сейчас умру. И мне стало так страшно и обидно — Ви перевела дыхание.

— И что случилось дальше? — тихо спросил Джек.

— А дальше пришла Хельга. Свалилась буквально с неба — прыгнула с пожарной лестницы аккурат между мной и вампирами. Почти не глядя кинула мне свой запасной нож. И началась резня. Я тоже вскочила и резала, кромсала, колола, била ножом наотмашь. Минут через десять все было кончено. Мы стояли, обе перепачканные в крови, сверху нас поливал дождь. Хельга протянула мне руку и представилась. И предложила вступить в ряды охотников. Так в моей жизни появился В.А.М.П.И.Р. После окончания обучения меня определили в пару к Хельге. И мы всегда были на всех миссиях вместе. А теперь Хельга — Ви замолчала и отвернулась к окну, ее лицо снова помрачнело. Мы с Джу переглянулись. В свете таких событий реакция Ви на мою легенду становилась крайне непредсказуемой. Теперь я вообще не понимала, что от нее ожидать.

— А у нас тоже однажды было приобретение на миссии, — сказала я, разрывая возникшую тишину. — На чердаке вместо вампиров мы обнаружили котенка. Он забрался в самый дальний угол и жалобно мяукал оттуда. Джу пришлось лезть и вытаскивать это пушистого.

— Он был такой маленький и дрожал, я просто не могла его там бросить, — пожалала плечами Джу. — Притащила его в штаб-квартиру, отмыла, обработала от паразитов, накормила, жил с нами там до следующей миссии.

— А потом? — заинтересованно спросил Джек.

— А потом он переехал в аналитический центр, — усмехнулась я. — Предполагалось, что только на время нашей миссии, но он там так прочно обосновался и откормился, что у нас рука не поднялась его забрать. Девочки-аналитики называли его Арнольдом. До сих пор счастливо живет там и разбрасывает свою шерсть по углам и столам сотрудников. Ему даже огромную лежанку в углу соорудили.

— Повезло пушистику, — ухмыльнулся Джек. — В аналитических центрах всегда тишь да благодать, это не то, что и в дождь, и в снег по подворотням за вампирами бегать.

— А у тебя, Джек, были забавные истории на миссиях? — поинтересовалась я.

Парень задумался, потирая наметившуюся щетину на подбородке. Потом его губы растянулись в улыбке — сначала легкой, но потом она становилась все шире и шире, пока не озарила все лицо Джека, сразу скидывая ему пяток лет.

— Ладно, будет вам история, но не про подвиги, а про наш большой позор, — Джек сложил руки на столе и окинул нас веселым взглядом. — Года два назад мы со Стюартом приехали в какое-то очередное захолустье, названия уже не помню. Разведка доложила, что местные начали по утрам находить разорванные туши домашнего скота, а в заброшенном охотничьем домике на окраине какой-то малец увидел в окне звериный силуэт и услышал подозрительные звуки. Он оттуда, конечно, сразу свинтил, рассказал все старосте, и в итоге нас отправили на зачистку. Мы приготовились по пол-

ной программе: серебряные пули, колья, даже гранаты, начиненные серебром, захватили. Помню, у меня тогда еще был арбалет с серебряными болтами — наши оружейники дали его затестить. Стюарт прихватил еще дробовик с разрывными пулями. Составили план: я иду первым, Стю прикрывает.

— И? — я подалась вперед.

— И подкрадываемся к домику ночью. Луна светит, звезды так ярко на небе сияют, ветер гуляет в соснах — красота невероятная. Я подаю Стюарту знак, вышибаю дверь ногой, влетаю внутрь, падаю на пол, перекатываюсь, вскидываю арбалет. И вижу в углу темный силуэт — огромный, лохматый, глазащи горят! — Джек выдержал небольшую паузу для пущего эффекта. — Ору: огонь!! И мы начинаем палить. Стю разряжает всю обойму, я выпускаю все болты и кидаюсь в рукопашную. Прыгаю с колом на этот силуэт, одновременно Стюарт врубает фонарик

Даже Ви заинтересовалась рассказом Джека. Она отвернулась от окна и ловила каждое слово.

— И оказывается, что это, мать его, просто чучело медведя! — хохотнул Джек.

— В смысле? — переспрашивает Джу.

— В самом прямом. Какой-то охотник много лет назад убил эту зверюгу, снял шкуру, набил опилками и поставил в угол. Раньше его с улицы не видно было, под окном яблоня росла и все закрывала, а недавно ураган прошел, да и выкорчевал эту яблоню.

— А странные звуки? — поинтересовалась я.

— Мыши прогрызли дырку в чучеле и шуршали соломой внутри.

— А разодранный скот? — нахмурилась Ви.

— Стая волков озверела, — пожал плечами Джек. — И никаких вампиров и в помине не было.

— А что вы в отчете написали? — спросила Джу.

— Зачистка прошла успешно, противник ликвидирован, — сказал Джек с крайне серьезным выражением лица.

Мы дружно расхохотались. Затем Джу встала, потянулась и демонстративно зевнула.

— Пожалуй, пойду спать, — сказала она. — Это был сложный день.

Джу выскользнула в коридор. Я слышала, как она направилась в сторону спальни, а затем — как мягко открылось окно. Дождь, барабнящий по окнам, по стенам и крыше, заглушал другие звуки для обычного человеческого уха, но не для меня. Я напряглась, не зная, что Джу задумала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.